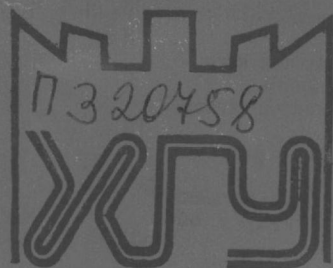

К-14038

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ISSN 0453-8048

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

338'89

СОЦИАЛИЗМ: ДИНАМИКА
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

«Выща школа»

1 p.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00292322

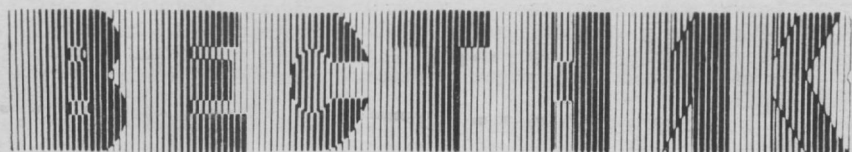
8

Весті. Харк. ун-та. 1989. № 338. Соціалізм: динаміка
соціалістичного процесу. 1—97.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Давыдов С. А.</i> Некоторые методологические вопросы исследования развивающегося социализма	3
<i>Мамалуй А. А., Авксентьев А. Л.</i> Противоречивость специфической фазной определенности социализма как источник многообразия его форм	9
<i>Мамалуй А. А., Фисун А. А.</i> Основное противоречие и конкретно-историческая форма социализма	19
<i>Малахова Н. Б.</i> Диалектика прибавочного и всеобщего труда в развитии социально-классовых отношений	28
<i>Козачкова Л. К., Николаевский Н. Ф., Шеремет И. И.</i> Предпосылки и механизмы развития у рабочих хозяйского отношения к труду и общественному достоянию	35
<i>Рубанов В. В.</i> Политическая культура рабочего класса: структура и критерии	41
<i>Довбня А. Н., Довбня Е. Н.</i> Развитие демократических начал в управлении реализацией классовых экономических интересов колхозного крестьянства	47
<i>Горбачев Н. С., Денисенко И. Д., Лантух А. П.</i> Проблема развития воспитательной активности молодого инженера в условиях перестройки	
<i>Сотник А. И.</i> Социальное равенство и неравенство в процессе развития отношений собственности	61
<i>Коновалов С. В., Ткаченко А. И.</i> Субъективно-оценочное восприятие социальной справедливости: детерминация и влияние на социальное поведение	69
<i>Хитуценко В. Н., Мадин М. П.</i> Национальные аспекты утверждения социальной справедливости в советском обществе	78
<i>Голованова Л. М.</i> Коллективность и ее развитие в бригадных формах организации труда	85
<i>Власенко Т. Т.</i> Некоторые особенности производства и потребления духовного богатства в условиях реального социализма	92

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 338

СОЦИАЛИЗМ: ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ

Основан в 1966 г.

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
1989

В вестнике рассматривается ряд теоретико-методологических вопросов фазной специфики становления коммунистической формации. Освещаются актуальные проблемы повышения уровня культуры труда и политической культуры рабочего класса, а также общие вопросы реализации социальной политики. Анализируется механизм реализации экономических интересов колхозного крестьянства в условиях качественно нового состояния общества. Обобщаются теоретические и конкретно-социологические результаты исследований, раскрываются пути формирования хозяйского отношения к труду и общественному достоянию у рабочих машиностроительных предприятий.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: д-р филос. наук проф. *Н. И. Сазонов* (отв. ред.), д-р филос. наук проф. *Н. Ф. Николаевский* (зам. отв. ред.), д-р филос. наук проф. *А. М. Куц*, канд. филос. наук доц. *Б. Т. Лычко*, *И. Д. Денисенко* (отв. секр.)

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра научного коммунизма, тел. 45-71-63

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией *Л. Н. Авраменко*

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 338

Социализм: динамика социальных процессов

Редактор *И. И. Коповалова*. Художественный редактор *Т. П. Короленко*. Технический редактор *Г. П. Александрова*. Корректор *А. Г. Долгова*.

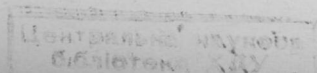
№ 13752 — ОИБ

Сдано в набор 29.06.89. Подписано в печать 28.08.89. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6. Усл. кр.-отт. 6,25. Уч.-изд. л. 7. Тираж 500 экз. Изд. № 1822. Зак. 1151. Цена 1 р. Заказное.
Издательство при Харьковском государственном университете.
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16.
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

к-14038

В 0301050100-071
М226(04)-89 Заказное © Харьковский государственный университет, 1989

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ СОЦИАЛИЗМА

В процессе перестройки всех сфер жизни нашего общества при всей важности задач конкретного хозяйствования невозможно уйти от решения общих вопросов, главным из которых является раскрытие понятия «социализм» и специфики строительства нового общества в СССР.

До недавнего времени теоретические представления о социализме во многом оставались на уровне 30—40-х гг., когда общество решало совершенно иные задачи. Развивающийся социализм, диалектика его движущих сил и противоречий, реальное состояние общества не стали объектом глубоких научных исследований [3, с. 8].

В последние годы в ряде статей и монографий в различных модификациях все чаще проводится мысль о товарной сущности социалистического производства. Авторы указанных идей считают, что это и есть тот новый подход, который может быть положен в основу выработки путей и форм обновления социализма.

Однако представляется, что новизна такого подхода мнимая. Взгляд на социализм как систему товарного хозяйства нельзя назвать новым. С момента своего рождения научный социализм постоянно боролся с этим взглядом. К. Маркс писал: «...Только на долю господина *Прудона* и его школы выпала задача — всерьез проповедовать... превознесение *товара* в качестве сущности социализма...» [1, т. 13, с. 70]. Ф. Энгельс, критикуя Дюринга по поводу того, что он возводит закон стоимости «в основной закон своей хозяйственной коммуны» и требует, «чтобы она проводила его вполне сознательно», замечает: «...он (Е. Дюринг. — С. Д.) хочет устранить отрицательные стороны, возникшие вследствие развития товарного производства в капиталистическое, выдвигая против них тот самый основной закон капиталистического производства, действие которого как раз и породило эти отрицательные стороны» [1, т. 20, с. 324]. Позиция В. И. Ленина, раскрывающая его понимание К. Маркса, выражена в следующих словах: «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» [2, т. 17, с. 127].

Существующие в литературе методологические подходы к анализу фазной специфики социализма с точки зрения его товарности не следует, конечно, отождествлять с идеями мелкобуржуазного социализма. В основу исследования этого сложного вопроса необходимо положить исторический опыт становления социализма и фундаментальные положения научного коммунизма.

Маловероятно, что современным исследователям не известно отрицательное отношение классиков марксизма-ленинизма к идеям товарной сущности социалистического производства. Так в чем

же дело? Чем обусловлены попытки реанимировать старые представления? Они предпринимаются в связи с тем и на основании того, что в экономике объективно существуют товарно-денежные отношения.

Ссылаясь на необходимость «коррекции и уточнения представлений о социалистическом обществе, сложившихся в прошлом веке», некоторые авторы делают попытки по-своему интерпретировать положения научного социализма об исторических судьбах товарного производства. Так, А. С. Ципко, анализируя «Критику Готской программы» К. Маркса, где, как известно, в общих чертах теоретически воспроизведена формационная специфика социализма, пишет: «Особенностью низшей фазы коммунистической формации К. Маркс усматривает здесь в том, что некоторые «родимые пятна» капитализма, в частности присущие ему формы организации труда, принцип эквивалентного обмена стоимостей, выступают в качестве одного из условий воспроизводства общественной жизни» [9, с. 97]. И далее автор предлагает следующий расширенный вывод: «В течение весьма длительного периода социалистического строительства, во всяком случае до тех пор, пока не выдвинется на первый план вопрос о непосредственном переходе к коммунистическим формам распределения, общественное развитие может связываться только с налаживанием оптимальных форм взаимосвязи, взаимодействия в рамках сложившейся структуры общественных отношений различных по своему историческому происхождению социально-экономических механизмов» [9, с. 97]. Однако безоговорочное согласие с изложенным выводом означает по сути признание социализма в качестве отдельного, переходного способа производства от капитализма к собственно коммунизму. Но в таком случае не ясно: почему социализм — это все-таки коммунизм, хотя и первая его фаза.

Взгляды А. С. Ципко, а также ряда других обществоведов составляют определенную методологическую позицию, в основе которой (если охарактеризовать ее вкратце) — непосредственное сопоставление социалистического идеала и исторического опыта становления социализма. Отвечая на вопрос, что истиннее: идеал или действительность, А. С. Ципко пишет: «Известный нам исторический опыт строительства и развития социализма обладает в сравнении с возможным будущим опытом тем важным преимуществом, что он уже есть, существует, в то время как будущий опыт — пока что только абстрактная возможность. Следовательно, сегодняшний опыт, конечно же, более представителен в научном отношении в том плане, что он может рассказать о верности или ошибочности тех или иных идей больше, чем возможный будущий опыт» [9, с. 28]. Под «возможным будущим опытом» здесь понимается некая теоретическая модель социализма. Рассмотрим, что же представляет собой указанная модель*, а так

* Употребление в данном случае термина «модель» носит условный характер, поскольку коммунизм — это процесс разрешения противоречий капитализма и всей предыстории человечества.

же является ли она результатом определенного опыта или же это идеальная абстрактная конструкция?

Вполне закономерно и естественно, что, исследуя капиталистический способ производства, его противоречия, К. Маркс указывает и пути их разрешения, определяет тенденцию развития общества. «У него диалектико-материалистический метод анализа... капиталистических производственных отношений является одновременно и методом ...предвидения отношений коммунистического производства» [6, с. 15]. Будущее в общих чертах постепенно начинало открываться для исследователя, изучающего современную ему буржуазную действительность в силу ее более-менее зрелого состояния в ряде передовых стран Западной Европы.

В 1917 г. В. И. Ленин писал: «На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма? На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом» [2, т. 33, с. 85]. Другими словами, теоретическое предвидение есть результат прошлого и настоящего опыта. Однако и само по себе оно является опытом, так как существует «два рода опыта: внешний, материальный, и внутренний — законы мышления и формы мышления» [1, т. 20, с. 629]. Указанный опыт имеет всеобщий характер и выражает общемировую тенденцию формационного процесса.

Понимая важность такого рода опыта, отстаивая теоретическое предвидение классиков марксизма, касающееся основных черт социализма, и выражая свое несогласие с подходом, предложенным А. С. Ципко, отдельные ученые, считают, что «именно с высоты данного идеального представления, т. е. научного предвидения будущего в его развитом виде, правильное всего квалифицировать этапы движения к социализму и самого социалистического общества, а не наоборот, не изнутри отдельных этапов, как это иногда делают, теряя общую линию и перспективу развития, пытаюсь «по-новому» определить социализм, подчас приписывая ему лишь сугубо преходящие черты» [8, с. 33].

Следует подчеркнуть, что при всей важности «внутреннего» опыта его, как правило, оказывается недостаточно, когда мы переходим к рассмотрению строительства социализма в конкретной стране. Кроме того, использование такой методологии таит в себе опасность, вытекающей из нее политики «подтягивания» реальности к социалистическому идеалу.

Историческая практика социалистического строительства в СССР, несомненно, играет большую роль для исследования первой фазы коммунизма. Однако общеизвестно, что рождение нового общества является результатом развития и самоотрицания старого. Именно особенности развития капитализма в России вносят своеобразную конкретно-историческую специфику в процесс строительства социализма,

Думается, что связь «специфика капитализма в конкретной стране (группе стран) — специфика становления социализма» должна играть немаловажную роль в методологии анализируемой проблемы.

К. Маркс исследовал «капитализм вообще», вне конкретных национальных форм (хотя и опирался на данные Англии — страны, наиболее наглядно воплотившей сущность и характер капиталистического развития). С чисто теоретической точки зрения, рассматривающей общие законы формационного развития без «зигзагов истории», буржуазный способ производства развивается органично, последовательно проходя все фазы своей зрелости. На высшей ступени развития внутри него формируются элементы самоотрицания (т. е. предпосылки нового общества). На данной фазе всемирно-исторической логики развития капитализма (а стало быть, и логики анализа проблем перехода от капитализма к социализму) коммунизм предстает как самоотрицание капитализма. Естественно, что в буржуазных странах, развитие которых приближается к классическому, осуществление проекта социализма, описанного в «Критике Готской программы», произойдет более прямым путем. Классическая (первичная) модель капитализма, в которой производственные отношения не заимствованы извне, а являются результатом разложения собственных феодальных отношений, продуцирует первичный социализм.

Россию к таким странам относить нельзя. Полуфеодальная отсталость, «необходимость догонять развитые страны обусловили введение капитализма преимущественно «сверху», без достаточной для этого почвы „снизу“» [7; 10].

Показательно, что в исследовательские планы К. Маркса входил подробный анализ данной проблемы, однако сделать это он так и не успел. В § 4 «Введения» к «Экономическим рукописям 1857—1859 гг.» в одном из пунктов значится: «*Вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения. Роль, которую здесь играют международные отношения*» [1, т. 46, ч. I, с. 46].

Вследствие того, что политический переворот в России предшествовал экономическому и культурному, социализм был вынужден решать задачи, которые по существу должны предвартать его появление. Для коммунизма необходимы не только политические основания, но и экономические как базисные. С точки зрения исторического материализма необходимо отметить, что в данном случае уровень развития производительных сил определяет господствующей формой экономической связи *стоимостную*, но доминирующим фактором разделения труда еще остается характер средств труда и технологий. В соответствии с этим на определенном этапе становления социализма товарно-денежные отношения объективно выступают важным элементом воспроизводственного процесса. Это — особенность «вторичного» социализма, отражающая не прямой, обходной путь построения нового общества, что неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, обосновывая новую эко-

номическую политику и причины, ее породившие, он отмечал, что «мы прямым путем не можем решать вопрос» [2, т. 44, с. 168].

Реальный социализм потому и является развивающимся, что он должен, пройдя свои вторичные, неадекватные формы, развиваться до своего понятия. Именно исходя из этой позиции можно выявить недостатки двух вышеуказанных подходов к исследованию социализма в нашей стране. Причина этих недостатков — абсолютизация одной из двух «сторон» истины-процесса (либо соответствия представления предмету, либо предмета своему понятию, своей торетической сущности). Первый подход, считающий истинным такое исследование, «согласно которому только мысль должна соответствовать действительности, фиксированной в форме наличного бытия, не требуя от действительности подниматься до той своей формы, в которой она наиболее соответствует своему понятию» [5, с. 55], приводит к выводам о «товарной» природе социализма и соответственно к «рыночному» социализму. Второй подход, усматривая главный аргумент только в понятийной, сущностной стороне, может стать основанием для заключений о кратковременности, второстепенности и формальности стоимостных отношений и «старых» форм организации труда в условиях реального социализма, что не исключает возможности (как это и произошло в свое время) волюнтаристского вмешательства в экономику и «досрочной» отмены товарного производства.

Несмотря на явную несовместимость указанных подходов они едины в своем исходном методологическом основании. Их авторы, исследуя реальный социализм, используют количественное сравнение его с теоретической моделью. Если первый подход абсолютизирует несовпадения, то второй по существу игнорирует их.

Капитализм в России был иного качества и иной степени зрелости, чем классический, теоретическая абстракция которого была положена в основу анализа «будущего развития будущего коммунизма». Поэтому и путь построения социализма в нашей стране качественно иной (хотя итог этого пути одинаков в своих сущностных чертах). К. Маркс писал: «Что является предпосылкой всего лишь *количественного* различия вещей? Одинаковость их *качества*» [1, т. 46, ч. I, с. 117]. Именно *разнокачественность* путей построения социализма не дает сегодня оснований для количественного сопоставления существующего социализма и теоретической модели. Исследование, чтобы оставаться истинным, постоянно должно учитывать эту «родословную» социализма.

В. И. Ленин указывал на «своеобразие обстановки», которая «открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах» [2, т. 45, с. 380].

Именно в данном плане можно говорить о так называемой перемене точки зрения В. И. Ленина на социализм. Однако некоторые ученые пытаются приписать ему «новое» по сравнению с дореволюционным пониманием социализма, которое якобы связы-

вало первую фазу коммунизма с необходимостью товарного производства [9].

Действительно, в 1923 г. В. И. Ленин писал: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д.» Понятно, что это была не ошибка, а необходимая мера. В силу первичности политических задач социализм рассматривался прежде всего как самоотрицание капитализма. «Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу» [2, т. 45, с. 376]. И действительно, когда власть сосредоточена в руках пролетариата, необходим конкретно-исторический взгляд на путь к социализму в данной стране. В России этот путь включал целый ряд переходных этапов.

Нэп — это реальный учет наличного уровня развития производительных сил и других предпосылок социализма. В 1921 г. В. И. Ленин пишет: «Неужели не ясно, что в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?..» [2, т. 43, с. 213]. Учитывая все эти обстоятельства, а также то, что «общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [1, т. 23, с. 10], становится понятно, что в данном случае имеющийся уровень развития производительных сил, разделения труда предполагает обособление производителей и товарную форму связи между ними. Отсюда и политика государственного капитализма, перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, т. е. по сути «в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания» [2, т. 44, с. 343], развитие различных видов кооперации, переход на экономические методы управления и т. п. Указанные меры ориентируют наш хозяйственный механизм на формы, адекватные законам товарного производства и обращения.

Следовательно, перемена точки зрения на социализм заключается в переносе акцентов с общих закономерностей на специфику особенного и единичного. Сегодня мы лучше понимаем смысл последних работ В. И. Ленина и причины появления этих работ, составивших, по существу, его политическое завещание. Он видел, что социализм сталкивается с колоссальными проблемами, что ему надо решить очень много такого, что не решила буржуазная революция. Отсюда — использование форм, которые вроде бы «несвойственны» самому социализму, по крайней мере, в чем-то расходились с общепринятыми представлениями о социалистическом строительстве [4, с. 21].

Диалектика настоящего момента состоит в том, чтобы показать всю важность использования сегодня товарно-денежных отношений, перевода предприятий на подлинный хозяйственный расчет, максим-

мального задействования резервов кооперации и индивидуальной трудовой деятельности, раскрыв при этом их действительную социальную природу и выявив на данном основании несостоятельность подмены понятия «научный социализм» термином «хозрасчетный социализм».

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. 4. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. 5. Диалектика и практика/Под ред. И. Элеза. М., 1984. 6. Любинина С. С. Карл Маркс о коммунистическом производстве. М., 1985. 7. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1878—1883. М., 1986. 8. Социалистическое общество. М., 1975. 9. Ципко А. С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983. 10. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного/Отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М., 1984.

Поступила в редколлегию 23.03.88

А. А. МАМАЛУИ, д-р филос. наук, А. Л. АВКСЕНТЬЕВ

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФАЗНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЦИАЛИЗМА КАК ИСТОЧНИК МНОГООБРАЗИЯ ЕГО ФОРМ

Какова мера «социалистичности» современного советского общества? С чем связано многообразие конкретно-исторических форм социализма? Таковы некоторые из целого комплекса важнейших вопросов, стоящих перед современным обществоведением и обуславливающих особую значимость теоретического осмысления противоречивости самой специфической фазной определенности социализма. Ибо лишь в этом случае «обнажается» источник процессуальности и динамизма социалистической фазы, а следовательно, открывается возможность адекватного обращения к проблеме многообразия конкретно-исторических форм социализма.

К. Маркс, характеризуя первую фазу нового общества, отмечал: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [1, т. 19, с. 18]. Использование данного положения «Критики Готской программы» требует методологической строгости, не допускает упрощенного подхода. Последний, получив достаточно широкое распространение в прошлом, предопределил представление о социализме как обществе, лишенном собственной специфической основы, являющемся механической суммой «зримых ростков коммунизма» и «родимых пятен капитализма» (которые в отрыве от контекста

«Критики Готской программы» понимались в качестве «пережитков прошлого», подлежащих искоренению). Стремясь произвести жесткое разграничение конкретных отношений действительного социалистического общества на две указанные группы, практически к «пережиткам» относили все, что ограничивало административно-бюрократические методы руководства: колхозно-кооперативную собственность, личное приусадебное и подсобное хозяйство, индивидуальную трудовую деятельность, товарное производство и товарно-денежные отношения, рынок, прибыль, хозрасчет [8, с. 12]. Вне сомнений, вульгарная трактовка теоретической «модели» социализма, ее внеисторичное «наложение» на действительность реального социалистического общества неправомерны. Однако не является продуктивной и ответная крайность, связанная с отрицанием значения данной «модели» применительно к исследованию реального социалистического общества, с рассмотрением ее в качестве пустой абстракции. В соответствующей интерпретации концепции «развитого социализма» такой подход (рецидивы которого сохраняются и в настоящее время) обуславливал отождествление фазной специфики социализма с особенностями достигнутого уровня социалистической зрелости, противопоставление собственной основы социализма и коммунизма. На базе «вынесения» общекоммунистических начал за пределы фазной специфики социализма игнорировались сущностное единство двух фаз нового общества, коммунистическая направленность и имманентная противоречивость социалистического развития. При этом произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества. Более того, подобные представления, по сути дела, отождествлялись с сущностными характеристиками социализма, рассматривались как неизменные и преподносились в качестве догм, не оставляющих места для объективного научного анализа [4, с. 8].

В первой, социалистической, фазе коммунизм еще не развивается на своей собственной основе. Но это отнюдь не означает, что социализм не имеет собственной специфической основы, не «сводимой» полностью к коммунистической, равно как не дает повода для отрицания «коммунистичности» основы социализма. Примечательно, что само возникновение идеи двух фаз нового общества в марксизме было связано с разграничением степени зрелости их сущностной основы. Причем такое разграничение осуществлено не утопичным, механическим путем, посредством предсказания конкретного уровня зрелости данной основы, необходимого для перехода от первой фазы ко второй, высшей, а диалектическим — посредством принципиального разграничения характеристик процесса развития первой и второй фаз. Неполнота, незрелость общекоммунистической сущности социализма состоит не в том, что коммунизм представлен в виде «кусочков», «ростков» будущего при социализме, а в том, что в отличие от высшей фазы коммунизм здесь не дан еще как «положительно начинающий с само-

го себя» и выступает как «отрицание частной собственности» [1, т. 42, с. 127, 135, 169].

В осмыслении фазной специфики социализма и ее соотношения с общекоммунистическими началами важно избежать обе возможные крайности: как абсолютизацию общекоммунистических отношений вне учета их уровня зрелости и форм реализации, игнорирование специфики социализма именно особой фазы коммунизма, так и абстрагирование от общекоммунистических начал в определении фазной специфики социализма. Преодоление подобной односторонности возможно лишь при «включении» общекоммунистических начал в фазную специфику социализма, лишь на основе понимания специфической фазной определенности социализма как диалектического взаимодействия общекоммунистических начал с моментом их генетической противоположности — существенно преобразованных, лишенных внутреннего антагонизма, но еще сохраняющих остаточные элементы своего собственного содержания, не полностью себя исчерпавших транзитивных предисторических отношений. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о механической сумме, а именно о диалектическом взаимодействии данных сторон противоречия (внутренних противоположностей), воплощаемом в конкретно-исторических формах развивающегося социализма.

В этой связи особую значимость имеет характеристика противоречия как порождающего взаимодействия противоположностей, актуализированная в современной философской литературе [6]. Она акцентирует внимание на процессуальности отождествления (конкретности тождества) противоположностей, взаимодействие которых является актом порождения нового — результата. Важнейшая особенность последнего состоит в том, что в нем представлено «снятие» процесса взаимодействия, «стыгивание элементов до отождествления» [6, с. 114]. Поэтому определенность результата адекватно может быть представлена лишь с учетом его противоречивости.

В связи с процессом взаимодействия, во внутренне присущей ему фазная специфика социализма, реализуемая все более адекватно по мере прогрессивной смены его конкретно-исторических форм, предстает в качестве результата диалектического взаимодействия общекоммунистических начал и транзитивных предисторических отношений*. С учетом отмеченной особенности результата становится ясной неправомерность стремления разграничить конкретные отношения социалистического общества на «плохие» и «хорошие», «кусочки» коммунизма и капитализма. Каждое присущее первой фазе (специфически социалистическое)

* Фазная специфика социализма является именно *результатом взаимодействия*, а не *результатом преодоления* данного противоречия. Таковым выступает полный коммунизм, предполагающий кардинальное изменение доминанты общественного развития: «уход в основание» прежнего (отношения собственности) и выдвижение в качестве актуального нового, принципиально иного источника (распределение самой деятельности) [7].

отношение или структура выражает единство соответствующих противоположностей, несет в себе определенное общесоциалистическое начало и в то же время в «снятом» виде представляет остаточный элемент предистории. Например, отношение распределения по труду выражает как господство общественной собственности на средства производства, социальное равенство членов общества и т. д., так и сохранение остатков старого общественного разделения труда, принцип эквивалентности обмена деятельностью, элемент неравенства и т. п.). Следовательно, указанная особенность результата диалектического взаимодействия противоположностей подтверждает и очевидную бесперспективность любых попыток дать адекватную характеристику специфической определенности социалистической фазы, игнорирующих ее внутреннюю противоречивость.

Представляется, что в приведенном положении «Критики Готской программы» на наиболее абстрактном уровне зафиксирована специфическая определенность социалистической фазы именно с точки зрения ее процессуальности, с учетом взаимодействия внутренних противоположностей собственной основы социализма, т. е. адекватным образом. Взаимодействие общесоциалистических начал и транзитивных предисторических отношений предстает, таким образом, в качестве внутренней формы фазной специфики социализма, в наиболее общем виде структурирующей последнюю. Общесоциалистические начала не являются априорным «антитезисом» предисторических отношений, они обретают практическую истинность именно как диалектическое отрицание предистории. «Остаточные» предисторические отношения выступают той противоположностью, которая отрицается общесоциалистическими началами и таким образом выражает детерминированность прогрессивного направления общественного развития.

Фазная специфика социализма как результат диалектического взаимодействия в «снятом» виде представляет это взаимодействие, а значит, и собственное многообразие данного процесса. Задача же осмысления реального социализма неотделима от обращения к проблеме фазной специфики социализма именно с учетом многообразия его форм, их преемственной связи. М. С. Горбачев подчеркивал значение марксистско-ленинского положения о том, что «путь строительства нового общества — это длинный ряд переходов» [5, с. 31].

Представляется, что разграничение конкретно-исторических форм социализма должно быть проведено с учетом необходимости опосредствования общесоциалистических начал социализма совокупностью определенных форм транзитивных предисторических отношений. Такая ориентация в поиске основания для членения конкретно-исторических форм социализма обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, искомое основание должно быть не извне привнесенным в качестве исследовательской «мерки» социализма; сфера его поиска не может быть сведена лишь к внешним, поверхностным формам. Это основание должно проис-

текать из самого процесса, раскрывая её логику, обязано улавливать поступательный характер развития социализма, реализацию исторического призвания социалистической фазы. Во-вторых, во взаимодействии со своей противоположностью — общекоммунистическими началами — транзитивные отношения обеспечивают и выражают движение от предистории человечества к его действительной истории по мере собственного исчерпания, что позволяет раскрыть преемственную связь не пройденных в конкретных условиях стадий собственно предисторического развития и соответствующих форм реализации определенности социализма. В-третьих, предисторические отношения прошли во всемирно-историческом масштабе «пик» своего развития в старом, имманентном содержании, что в определенном смысле облегчает познавательную задачу.

Конкретно-исторические формы социализма, являющиеся последовательными ступенями все более адекватной реализации его фазной специфики, вместе с тем выступают и формами все более полного взаимодействия транзитивных предисторических отношений с общекоммунистическими началами, отрицания первых вторыми. Причем это «не голое отрицание, не зряшное отрицание ... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» [2, т. 29, с. 207]. Все более полное осуществление такого отрицания предполагает и расширение зоны взаимодействия — границы, разделяющей противоположности, — следовательно, и все более полное раскрытие содержания каждой из них. Данный процесс применительно к движению «остаточных» предисторических отношений можно охарактеризовать как «вырождение» [6, с. 110—131].

По мере повышения степени зрелости общекоммунистических начал социализма транзитивные отношения проходят ступени последовательного освобождения от своей предисторической превращенности (в отличие от генезиса предистории, предполагающего, напротив, «накопление» превращенности). Выступая в качестве отрицаемых общекоммунистическими началами, в зоне взаимодействия транзитивные предисторические отношения представляют внутреннюю форму фазной специфики социализма. Стадии раскрытия собственного «остаточного» содержания транзитивных отношений, характеризующиеся изменением их функций, предстают как последовательные ступени раскрытия, реализации фазной специфики социализма. Сказанное позволяет рассматривать функциональные формы транзитивных предисторических отношений, «снимаемые» фазной спецификой социализма (как результатом взаимодействия), в качестве основания классификации конкретно-исторических форм социализма.

Представляется, что, опираясь на исторический опыт реального социализма, можно выделить три основные группы функциональных форм транзитивных предисторических отношений — рудиментарные, восполняющие и возвышающие — с помощью их соотношения с соответствующими предисторическими отношениями в раз-

витом капиталистическом обществе, революционное отрицание которого в наиболее общем виде и характеризует логическую «модель» социализма.

Рудиментарные формы по своему генетическому происхождению — преимущественно докапиталистические. Сама эта рудиментарность относительна: как в том смысле, что «с высоты» действительной истории человечества всякая предысторическая форма рудиментарна, так и в связи с семантической двойственностью термина «рудиментарный». Отсутствие необходимости, реликтовость (основное, наиболее распространенное значение термина) подобных форм во многом отражают реалии современного развития социализма, но не того периода, когда сохраняется опасность реставрации капитализма, страна (и в переходный период и в условиях построения основ социализма) находится в капиталистическом окружении, не произошла победа социализма в странах с высоким уровнем развития, социализм не превратился в мировую систему. Рудиментарные формы присущи странам, избравшим путь революционного переустройства общества, которые не прошли полностью капиталистическую, завершающую стадию предысторического развития, т. е. странам со средним и слабым уровнем развития капитализма, а тем более переходящим к социализму от докапиталистических формаций. Типичный пример использования указанных форм дает политика военного коммунизма в переходный период, а в условиях построенного в основном социализма — действительность 30—50-х гг. в нашей стране. Это — система жесткой регламентации производства, распределения и потребления, усиливающийся централизм в планировании, командно-административная система управления общественным производством в целом. Нельзя игнорировать необходимость использования подобных форм в экстремальных условиях, на начальных ступенях социалистического строительства, когда страна живет единым военным лагерем*, но нельзя не замечать и их историческую ограниченность в раскрытии возможностей социализма, его сущностных потенций. Функциональное назначение данных форм предысторических отношений в актуальный период их существования состоит в обеспечении первоначального утверждения социализма (построения основ социализма), мобилизации всех ресурсов для «выживания» нового общества до полной и окончательной победы социализма, чему соответствует первичное значение термина «рудиментарный» (зачаточный, начальный, исходная ступень). Актуальность использования рудиментарных форм — во многом внешняя по отношению к собственному раз-

* Как отмечал М. С. Горбачев, «в тех условиях, когда зримо нарастало ощущение угрозы империалистической агрессии, в партии утвердилось убеждение в необходимости не пройти, а в кратчайшие исторические сроки буквально пробежать расстояние от кулацкой и крестьянской сохи к развитой индустрии, без которой была бы неминуема гибель всего дела революции, и если ставить вопрос: «можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией?», то с позиций историзма, правды жизни «ответ может быть один: нет, нельзя» [5, с. 18].

витию социализма. Поэтому использование их в качестве доминирующих в иных исторических условиях может превращаться в препятствие прогрессивного развития, что и происходит, когда их историческая необходимость во многом исчерпана, требуется переход к другим формам.

Группу *восполняющих* форм составляют те, которые призваны обеспечить прохождение в процессе социалистического развития таких определенных ступеней, которые не были пройдены конкретным обществом в рамках предыстории к моменту свершения пролетарской революции. В широком смысле они, очевидно, включают в себя и те формы, которые были обозначены как рудиментарные, поскольку последние также призваны восполнить непройденные предысторические ступени развития. В узком, более строгом смысле к восполняющим формам относятся те, предысторические «прототипы» которых составили основу генезиса капитализма. Примером использования подобных форм транзитивных отношений в практике социалистического строительства может служить развитие и поощрение различных форм кооперации, индивидуальной трудовой деятельности, укрепление товарно-денежных отношений и т. п. Оценивая их значение для практики обновления реального социалистического общества, необходимо отметить, что переход к социализму и коммунизму от докапиталистического уровня (в масштабе всей страны, в рамках отдельных отраслей производства) предполагает не «перепрыгивание» через закономерно необходимые этапы прогрессивного (хотя и предысторического) развития, а прохождение их, но принципиально иным образом. В партийной печати подчеркивается, что «ни одна форма не исчезает, пока не исчерпает свои возможности» [8, с. 13]. Характерная особенность современного этапа социалистического развития состоит в переходе от преимущественно рудиментарных форм к восполняющим. Несвоевременность, определенное «опоздание» такого перехода обусловило накопление застойных явлений в 70—80-е гг. Перестройка — не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы. Это придание социализму самых современных форм [5, с. 31].

Метафизический подход усматривает в переходе к данным формам чуть ли не отступление от социализма. Он не в состоянии, скажем, в развитии семейного подряда увидеть реализацию лозунга «Больше социализма!». При этом представляют, будто общество деградирует, будто прежние формы обладали большей «мерой социалистичности», что, учитывая соотношение рудиментарных и восполняющих форм, очевидно, неверно. Гносеологический источник такого подхода — абсолютизация утвердившихся форм, понимание их в качестве единственно возможных. Данное обстоятельство представляется весьма важным еще и потому, что в процессе перехода к восполняющим формам транзитивных отношений возникает возможность абсолютизировать их аналогичным обра-

зом. Проявления подобного подхода встречаются уже сегодня, хотя его сторонники (как это ни парадоксально) и исходят из благих побуждений.

Конкретно-исторические формы реализации специфической фазной определенности социализма, в «снятом» виде содержащие соответственно совокупности рудиментарных и восполняющих функциональных форм транзитивных отношений, являются инверсионными (т. е. реализующими иной путь по сравнению с классическим предысторическим развитием) конкретно-историческими формами социализма; в них начинается осуществление исчерпание предыстории на основе отрицания последней до того, как она обрела свое завершение в буржуазной общественной формации. Возможность такого «иного пути», изменения закономерного порядка общественного развития обусловлена местом, занимаемым социализмом во всемирно-историческом процессе развития, тем, что это не просто очередной общественный строй, приходящий на смену предшествующему — капитализму, а первая фаза коммунизма, противостоящего в качестве действительной истории человечества не только буржуазной формации, но и всей человеческой предыстории. В ходе диалектического отрицания последней и реализуется историческое призвание социализма, заключающееся в материальном обосновании собственно коммунизма.

Историческая закономерность не является фатальной неизбежностью, а предполагает своеобразие собственного осуществления на различных этапах прогрессивного развития производительных сил и общественных отношений. Это своеобразие, реализующееся посредством инверсионных конкретно-исторических форм социализма, связано с тем, что социализм победил преимущественно в странах со средним и слабым развитием капитализма, а общество в принципе «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» [1, т. 23, с. 10]. Недооценка или, напротив, абсолютизация в процессе инверсионного развития рудиментарных либо восполняющих форм транзитивных предысторических отношений (а зачастую недооценка одних и абсолютизация других) чревата нарушениями и извращениями принципов социализма, его деформациями. Примечательно, что именно в тех странах социализма и регионах отдельных стран, где слабее были развиты капиталистические отношения и, следовательно, шире основания подобных форм и их использования, в большей степени получили распространение аномалии — извращения социалистических принципов и даже прямой отход от них. Марксистско-ленинская теория социалистического строительства исходит из того, что нарушения и деформации не являются неизбежными, они чужды природе социализма. Именно такую принципиальную оценку дала партия культу личности. М. С. Горбачев подчеркивал, что «...культ личности не был неизбежным. Он чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополага-

ющих принципов, и, таким образом, не имеет никакого оправдания» [5, с. 21].

Третью группу функциональных форм транзитивных отношений составляют те, предысторическим «прототипом» которых являются самоотрицающиеся отношения развития капиталистического общества. Их характеристика в качестве *возвышающих*, как и характеристика рудиментарных и восполняющих форм, во многом относительна. Такая относительность состоит в том, что, с одной стороны, и две другие группы форм являются в определенном смысле возвышающими, т. е. выводящими общество на новые рубежи прогресса, с другой — сами возвышающие формы выступают и рудиментарными, с точки зрения действительной истории человечества, и восполняющими. Речь идет о восполнении того этапа развития, который общество принципиально не в состоянии пройти в рамках «классического» предысторического развития — собственно капиталистического, но который необходим для утверждения действительной истории человечества. Именно указанное обстоятельство позволяет охарактеризовать данную группу форм транзитивных отношений как возвышающую (в строгом смысле), т. е. обеспечивающую «возвышение» общества до такого принципиально недостижимого в рамках старого предысторического развития уровня, который только и позволяет обосновать скачок из «царства необходимости» в «царство свободы»*. Применительно к будущности реального социализма соответствующую конкретно-историческую его форму, «снятую» возвышающие формы предысторических отношений, можно охарактеризовать как реализующую фазную специфику социализма на высшей ступени его развития адекватным образом. Именно такого рода социалистическое общество изображено в «Критике Готской программы» и именно с подобного рода «снятых» предысторических отношениях идет речь в характеристике К. Маркса «родимых пятен старого общества», акцентирующей внимание на принципе эквивалентности обмена, остатках старого разделения труда, в определенном смысле и при социализме порабощающего человека, «буржуазности» государства и права в социалистическом обществе. В конкретно-исторической форме социализма, адекватно реализующей его специфическую фазную определенность, абстракция «чистого социализма» обретает основание своей практической истинности. Но она не является бессодержательной и применительно к анализу предшествующих ступеней. Общекоммунистические начала являются диалектическим отрицанием предысторических отношений. Этим выражено, однако, только достаточное условие

* Важное значение имеет здесь понимание того, что в отличие от пространенного взгляда полное раскрытие, исчерпание содержания какой-либо системы происходит не с завершением становления ее целостностью, а в процессе диалектического отрицания этой целостности, не в достижении системой той стадии зрелости, когда она обоснованная своим движением превращает в собственное основание, а в последующей, предполагающей «выход» обоснованного за пределы основания, т. е. обретение системой, выражаясь гегелевским языком, «абсолютного основания».

утверждения общекommунистических начал в качестве практически истинных. Это достаточное условие дополняется необходимым лишь при достижении предысторическими отношениями предела своего старого развития — в зрелых капиталистических отношениях. Именно поэтому сохраняется альтернативность выбора пути развития стран, находящихся на докапиталистическом уровне. Именно поэтому для победы социализма первоначально в одной стране требовалась известная «высота» капитализма, что неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, говоря о возможности победы революции в России. Именно поэтому открывается возможность (при поддержке со стороны победившего социализма) перехода к социализму от докапиталистических формаций. Именно поэтому «социализм вообще» обладает действительным существованием (как обладает действительным, но особым, не сводимым к его определенным формам, существованием «капитал вообще»). Действительное существование «социализма вообще» выступает как процесс собственного становления в инверсионных конкретно-исторических формах социализма.

Представляется, что изложенный подход к проблемам специфической фазной определенности социализма, ее имманентной противоречивости и, на данной основе, — к выделению инверсионных и адекватной конкретно-исторических форм социализма актуализирует коммунистическую направленность собственно социалистического развития, позволяет глубже раскрыть методологическую значимость положения Программы КПСС о том, что «развитие социализма, все более полное раскрытие и использование его возможностей и преимуществ, укрепление присущих ему общекommунистических начал и означает действительное движение общества к коммунизму» [3, с. 138]. При этом открывается возможность осмысления всемирно-исторического аспекта развития социализма, реализации его исторического призвания по мере исчерпания предыстории. Создаются условия для адекватного обращения к особенностям современного этапа развития социализма, восприятия идеи о переходном характере перестройки, необходимости постоянного обновления социалистического общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. 5. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. 6. Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание/Отв. ред. Я. А. Режабек. Ростов н/Д., 1983. 7. Мазур В. Н. Развитие социализма: некоторые вопросы теории. К., 1987. 8. Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки//Коммунист. 1987. № 8.

Поступила в редколлегию 30.07.88

А. А. МАМАЛҮЙ, д-р филос. наук,
А. А. ФИСУН, канд. филос. наук

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМА СОЦИАЛИЗМА

Исследование основного противоречия социализма и решение на данной основе проблемы специфики конкретно-исторических форм социализма является ныне одной из самых важных задач теории научного коммунизма. Особую актуальность на современном этапе приобретает исследование диалектики производительных сил и производственных отношений социализма, в частности, такая ее конкретизация, которая «уловила» бы, с одной стороны, сущностные характеристики социализма как первой фазы коммунизма, а с другой — их модификацию в конкретно-исторических формах социализма.

Обоснование необходимости обращения к теоретическому анализу конкретно-исторических форм развития социализма соответственно реализации его основного противоречия, разумеется, не исчерпывается доводом о важности исследования конкретных модификаций закономерностей развития социализма. Другим, на наш взгляд, весомым аргументом в пользу этого является необходимость преодоления наметившегося в 60—70-е гг. определенно-го разрыва между реальной практикой социалистического развития и ее отражением в теории. Проблема взаимосвязи эмпирического и теоретического, исторического и логического в развитии социализма имеет особое значение для анализа гносеологических корней как «забегания» вперед, так и «консервации» развития. Однако ее значение этим не исчерпывается. Дело в том, что диалектико-противоречивый разрыв исторического и логического в возникновении и развитии социализма как мирового феномена привел к гносеологическим трудностям в теоретическом осмыслении опыта реального социалистического развития вообще.

«Суммарная» теоретическая модель реального социалистического общества, составленная из взаимопротиворечащих, но взаимодополняющих концепций (наиболее выпукло представленных в работах, с одной стороны, Р. И. Косолапова, а с другой — А. П. Бутенко [9]), не смогла предложить разработанного механизма трансляции опыта реального исторического развития в теоретические обобщения общесоциологического уровня. И наоборот: не было предложено и достаточно стройной обратной ретрансляции (сказанное прежде всего касается Марксовых логико-теоретических обобщений в «Критике Готской программы»). Теоретическое осмысление реального социалистического общества осуществлялось либо методом обобщения существующего на практике, через доказательство имманентности социализму тех или иных форм «реальным. практическим опытом» (или «здравым смыслом») — и такой анализ не мог подняться выше уровня эм-

пирической генерализации, либо методом гипотетико-дедуктивным, исходящим из заранее построенных «идеальных» (мысленно очищенных) моделей-образцов, до уровня которых «дотягивали» реальный процесс развития. И даже если в последнем случае на такую роль выдвигался «макет» социализма из марксовой «Критики Готской программы», оба метода уже изначально страдали концептуальной односторонностью. Один был слишком частным, феноменологичным, другой, наоборот, — слишком общим и априорным, чтобы обеспечить необходимое единство эмпирических наблюдений и теоретических обобщений исторического и логического анализа. «Теоретики» сосредоточили усилия на том, чтобы сохранить и в новых условиях «целостность» теории коммунистической формации. «Эмпирики» фактически встали на путь «дисквалификации» самого метода анализа социалистического общества при помощи «мысленных» моделей, против логического анализа вообще.

Несовпадение реального исторического и абстрактно-логического развития социализма заключается в реализации так называемой «инверсионной» модели процесса его возникновения и развития. Кратко эта инверсия (перестановка) сводится к тому, что страны социализма начали путь социалистических преобразований от уровня средне- или слаборазвитого (зависимого и периферийного) капитализма. Такой уровень развития капитализма характеризуется тем, что он не до донца (в рамках того, что может в принципе сделать) преобразовал как экономический базис, так и политическую надстройку докапиталистического общества. К данному преобразованию относится более-менее полная индустриализация промышленного и аграрного секторов экономики, создание буржуазно-демократической политической системы, общий культурный рост населения. Следовательно, это означает существенно незаконченный (а где-то только начатый) процесс технологического обобществления производства — промышленного и аграрного.

Капитализм уже привился на данной национальной почве, но еще не до конца «перемолол» наследуемую (феодальную) общественно-экономическую структуру. Он уже создал определенный минимум материальных предпосылок будущего общества, однако еще не преодолел «остатки» и «элементы» предшествующих обществ. Налицо ситуация незавершенности капиталистической трансформации.

Поэтому социализм в таких странах призван осуществить сублимацию капиталистического развития, заключающуюся в «восполнении» (а точнее, «замещении») непройденных (пропущенных) этапов капиталистического развития, «возвышая» капиталистически преобразованные (докапиталистические) структуры до уровня, необходимого и достаточного для социалистического (коммунистического) строительства.

Создание материально-технической базы социализма в течение политического переходного периода не исчерпывает указанные

задачи. Построение основ социализма и полная его победа не снижают актуальность основных закономерностей «сублимируемого» процесса развития. В экономической сфере это функционирование товарно-денежных отношений, разнообразных кооперативных форм собственности. Последние «занимают» неиндустриализированные секторы экономики. Существует индивидуальная трудовая деятельность, привлекается и иностранный капитал в совместные предприятия и (или) в «свободные экономические зоны». В социальной сфере закономерно существование двух дружественных неантагонистических классов.

Представляется, что указанные закономерности внутренне при-сущи, имманентны относительно длительной первоначальной стадии развития социализма, если он изначально не имел достроенного индустриального технологического базиса как своей собственной предпосылки.

Таковы основные особенности конкретно-исторической формы социализма при «инверсионно-сублимированном» типе снятия капиталистической перспективы развития, которые существенно усложнили гносеологическую ситуацию при разработке общей теории развития социализма, анализ его движущих сил. Возникшее гносеологическое противоречие (определенное несовпадение порядка исторического и логического развития социализма, конкретной «инверсионно-сублимированной» и сущностной, общесоциологической (или «классической») модели социализма) начало развиваться в логические коллизии, питать соответствующие теоретические иллюзии о сущности изучаемого объекта.

В этих условиях неизбежно происходило отождествление внешних, более поверхностных конкретно-исторических форм проявления сущности с всеобщими закономерностями социализма вообще, распространение данных конкретно-исторических характеристик на весь период существования первой фазы коммунизма. Возникли попытки выдать такие конкретно-исторические особенности за готовый образ некоей «самостоятельной», «особой» сущности всего социализма. Подобное сведение внешних, преходящих эмпирических закономерностей к внутренним, универсальным привело к определенной абсолютизации конкретно-исторических форм, принятию их за самую глубинную сущность социализма. Они были взяты за «собственную основу» социализма («нетождественную основам коммунизма» [8, с. 27]). Последовательно проведенная, данная точка зрения обосновывает существование двух разных основ у коммунизма и социализма. Причем у социализма «основой его структуры являются не собственно коммунистические, а социалистические общественные отношения с их специфическими элементами, принципами и закономерностями» [8, с. 28]. При этом под последними наиболее часто понимаются эмпирические закономерности нынешней конкретно-исторической формы социализма, характеризующейся наличием товарно-денежных отношений. На такой «собственной основе» социализма формулируется и основной экономический закон его функционирования,

а противоречие указанной преходящей конкретно-исторической формы выдвигается как основное противоречие социализма вообще.

Теоретико-методологическая «лакуна» в познании социализма была восполнена квазисубстанциональным определением предмета. Закономерности особой конкретно-исторической формы социализма «срослись» с закономерностями социализма как первой фазы коммунизма, стали «готовым образцом» его собственной особой сущности. Эта «сущность» получила самостоятельное «бытийствование», носящее самодостаточный и самообосновывающийся характер. Связи действительного происхождения «специфической генетической основы» социализма оказываются снятыми в ней, они исчезают в своем собственном результате — социализме.

Таким образом, несомненно, что преходящие (при «сублимированно-инверсионном» развитии) конкретно-исторические особенности формы социализма затруднили возможности целостного раскрытия социализма в единстве внутренних связей и отношений, осмысление глубинных движущих сил его развития и прежде всего — его основного противоречия. В условиях явного многообразия мира социализма данное обстоятельство сыграло существенную роль в расхождении и даже разнонаправленности теоретических и эмпирических подходов к проблеме социализма.

С одной стороны, абсолютизация конкретно-исторических форм переживаемого этапа развития социализма, а с другой — необоснованное их «игнорирование» во имя «чистоты» теории, стало основой для формирования теоретических воззрений, концепций и даже целых направлений, в которых уже изначально были заложены концептуальная односторонность и ограниченность, сразу вступивших в отношения взаимной конфронтации [7, с. 79]. Оба направления как бы с разных сторон (будучи по-своему частично правы) подошли к воспроизведению целостной теоретической «картины» социалистического общества, осуществив движение познания от сущности первого порядка к сущности более глубокого порядка, от абстрактного — к конкретному. Так, сторонники «собственных основ» социализма по сути в превращенном виде осуществили феноменологическое осмысление реальной конкретно-исторической формы социализма, выявили ее важные особенности. Они произвели фактически первую попытку разработки теории конкретно-исторической формы социализма (при «сублимированно-инверсионном» развитии). В то же время противники «особой сущности» социализма проделали анализ вообще социалистического общества, абстрагированного от конкретно-исторических (и в определенном смысле случайных) форм, что позволило им обосновать общекоммунистическую сущность социализма (вне зависимости от его конкретно-исторических модификаций), их единую «природу» и, следовательно, принципиальный примат общекоммунистических начал.

Представляется, что имеющиеся расхождения в подходе к осмыслению проблем социализма создают ситуацию, когда дальнейшее развитие этих подходов, по-видимому, уже невозможно без понимания «инверсионно-сублимированного» пути возникновения и развития социализма в контексте движения его основного противоречия. Своеобразная «глухота» к изучению основных закономерностей и движущих сил такого развития оборачивается тем, что и абстрактно-логическое, и конкретно-эмпирическое описание социализма легко выдают следствие за причину, форму — за сущность.

Продвижение вперед в развитии теории социализма будет, несомненно, происходить не путем дальнейшего противопоставления сложившихся подходов (что само по себе бесплодно), а посредством их сближения.

Сказанное имеет прямое отношение к сложившимся двум направлениям исследований основного противоречия нового общества: с одной стороны, к тем, кто ищет некое узловое противоречие всей коммунистической формации, общее обеим ее фазам, с другой — тем, кто настаивает на специфическом основном противоречии именно социализма. Проблема упирается, по нашему мнению, в вопрос о том, что значит применить Марксов метод исследования основного противоречия капитализма, использованный в «Капитале», к анализу коммунистической формации. Распространенный ответ заключается в том, что необходимо выделить некий общий субстрат («основное противоречие вообще») понятия «основное противоречие капитализма», очищенный от специфически капиталистического содержания, который можно «применять» через обратное наполнение новым конкретным содержанием для анализа любой формации, в том числе и коммунистической. На таком «методологическом фундаменте» не составляет труда найти самые различные «кандидатуры» на роль основного противоречия всего коммунизма или только социализма. Тем более, если данная «кандидатура» представляет действительно какое-либо реально существующее противоречие.

Как же применить метод «Капитала» без стратегии «переноса» внешнего приложения его? Суть состоит в том, что он в принципе не есть некая сумма универсальных примеров, процедур, приемов. Это не только (и в основном) метод не познания, а революционного преобразования. Неправомерно исследовать социализм как «ставший предмет». Восхождение от абстрактного к конкретному — не какой-либо «прием» исследования, а всеобщее выражение логики самой всемирной истории. Это не внешняя познавательная «отмычка», а логическая формула движения человеческой истории. Поэтому реализовать метод «Капитала» — значит последовательно проследить разрешение предысторических противоречий.

Такой подход дает возможность определить в самом общем виде и основное противоречие социализма. Известно, что на основе Марксовой теории коммунистического общества (в наиболее полном виде включающей теорию его предыстории, социалистической

революции и переходного периода и собственно двух фаз), В. И. Ленин дал принципиальное решение вопроса о противоречиях социалистического общества. «Антагонизм и противоречия — совсем не одно и то же. Первое исчезает, второе остается при социализме» [3, с. 391]. Действительно, социалистическая революция и последующий переходный период устраняют антагонизм взаимодействия производительных сил и производственных отношений, приводят в состояние однонаправленности их движение, т. е. к их общему принципиальному соответствию. Общественный характер производства приводится в полное соответствие с общественным характером присвоения. При этом характер и производства и присвоения принимает свое высшее качество — непосредственно общественное. Тем самым коренным образом разрешается основное противоречие капитализма, которое в «снятом» виде представляет собой основное противоречие всей антагонистической предыстории общества.

Но установление общественной собственности на средства производства и ликвидация антагонизма отнюдь не означают достижение полного (автоматического) соответствия производительных сил и производственных отношений вообще, их полного единства. В создании материального основания такого соответствия и состоит историческое призвание низшей фазы коммунизма. Иными словами, разрешаясь в коренном, в главном своем содержании, основное противоречие предыстории коммунистического общества не исчерпывает полностью своего содержания, не означает некоего полного и окончательного «снятия», достигаемого лишь в процессе дальнейшего постепенного исчерпания. Существенно преобразованный «остаток» данного противоречия составляет содержание низшей фазы коммунизма. Это и обуславливает известную неполноту общекommунистического соответствия производительных сил и производственных отношений на фазе социализма, необходимость которой и определяется незрелостью в ней такого общекommунистического начала.

Постепенное же исчерпание объективно обусловленного «предысторического наследия» достигается в процессе разрешения основного противоречия социализма как неизбежно наследуемого, существенно преобразованного «остатка» противоречия предыстории, несущей его «следы». Указанное основное противоречие конституирует социализм как низшую фазу, как неполный коммунизм. С подобной точки зрения, исторический смысл первой фазы коммунизма и заключается в разрешении частичного неантагонистического несоответствия производительных сил и производственных отношений, перехода на данной основе к высшей фазе коммунистического общества. «Пружиной» этого процесса является движение основного противоречия социализма, разрешение которого означает становление непосредственно общественного производства и присвоения в свою всеобщую, полную и, в таком смысле, адекватную форму.

Опираясь на проведенное К. Марксом в «Критике Готской программы» и В. И. Лениным в «Государстве и революции» исследование коммунистического общества, основное противоречие социализма можно конкретизировать как противоречие между растущим всеобщим характером непосредственно общественного производства и возмездной формой непосредственно общественного присвоения. Возмездная форма непосредственно общественной связи — по сути конкретизация процесса диалектического снятия товарной связи непосредственно общественной применительно к первой фазе коммунизма [6].

Но задача теории состоит не только в том, чтобы выявить «остаток» основного противоречия предыстории, который наследуется при любом, самом (мысленно) «предельном» развитии основного противоречия капитализма (и в разрешении которого состоит логический смысл существования низшей фазы коммунизма), но и в том, чтобы обнаружить дополнительный (в том смысле, что он не обязателен для всех форм социализма) «остаток», наследуемый в силу той или иной неразвитости капиталистического способа производства, а значит, и «натяжения» основного противоречия капитализма (доразрешение которого составляет исторический смысл существования и основную специфику «инверсионно-сублимированной» модели развития социализма).

Логически выведенное выше наиболее общее и фундаментальное основное противоречие социализма, имеющееся на всем его протяжении, следовательно, существенно модифицируется в различных реальных конкретно-исторических формах социализма. Характер и степень (глубина) модификации определяются величиной и типом (формационно-генетическим) исторически-конкретного наследуемого предысторического содержания. Ведь при охарактеризованном выше «инверсионно-сублимированном» варианте исторического развития неисчерпаемость старого предысторического содержания гораздо бо́льшая, чем в логической «модели». Более того, зачастую оно носит различный формационно-генетический характер: капиталистический, феодальный и т. п. Происходит своеобразное доразвитие и доразрешение противоречий не только капиталистического, но и докапиталистического уровня, их специфическое «взаимоналожение», что значительно усложняет «инверсионно-сублимированную» модель развития. Поэтому такая модель никогда не может быть одинаковой в своем осуществлении во всех странах социализма (хотя в истории и были примеры «равнения» на единый «образец»). Наоборот, она осуществляется в социалистическом мире во множестве вариантов. «Мир социализма предстает сегодня перед нами во всем своем национальном и социальном многообразии, — отмечал М. С. Горбачев. — И это хорошо и полезно. <...> Мы убедились и в том, что у социализма нет и не может быть некоей «модели», на которую все равняются» [5, с. 58].

Логически можно осуществить следующую предварительную типологизацию конкретно-исторических форм при «инверсионно-

сублимированном» варианте исторического развития (по уровню и типу «стартового» состояния): *во-первых*, где капитализм лишь частично не выполнил свои задачи, в целом достигнув высокоразвитого уровня; *во-вторых*, где он в основном не выполнил собственно капиталистические преобразования при существенно не преодоленном докапиталистическом наследии (фактически это страны среднеразвитого, полузависимого и в определенном смысле периферийного капитализма); *в-третьих*, где капитализм представлен своими ростками на общей почве феодализма. По сути, здесь осуществляется путь некапиталистического развития.

Данные три конкретно-исторические формы социалистического строительства представляют собой прежде всего различные стадии разветвления коммунистической формации. Каждая новая, более «зрелая» форма приобретает новые признаки и существенные особенности в типе хозяйственного механизма и политической системы, путей их становления, и, наконец, степени зрелости общесоциалистических начал вообще.

Происходит модификация в механизме функционирования основного противоречия социализма через его внешний вид. Это видоизменение основного противоречия характеризуется в целом для всех конкретно-исторических форм «инверсионно-сублимированного» развития через противоречие между растущим непосредственно общественным характером производства и товарной формой реализации возмездной социалистической связи. Сказанное объясняется тем, что уровень технологического обобществления производства еще не дает возможности полной и непосредственной реализации возмездного типа непосредственно общественной связи. Поэтому в силу наличия особого «дополнительного пласта» в наследуемом предшественном содержании основного противоречия социализма (связанного с тем, что технологический базис в целом постоянно воспроизводит элементы дихотомии абстрактного и конкретного труда) непосредственно общественный характер данного технологического базиса объективно не может проявиться в полной (по социалистическим рамкам) мере, а адекватная ему возмездная форма непосредственно общественных связей органично восполняется товарно-рыночным механизмом своей реализации. Такова в общих чертах конкретизация диалектического снятия основного противоречия капитализма (а значит, и товарной связи) применительно к конкретно-историческим формам «инверсионно-сублимированного» пути возникновения и развития социализма.

Лишь через подрыв технологической основы для существования «остатка» содержания товарной связи (последняя, как показал К. Маркс в «Капитале», сама себя отрицает, развивая эту технологическую основу) путем движения «инверсионно-сублимированной» формы основного противоречия социализма, неизбежно наследуемый «добавочный пласт» товарно-модифицированного развития исчерпывается. Происходит сублимация непроявленных этапов капиталистического развития, осуществляемая при

инверсии логического порядка всемирно-исторического процесса.

Любые попытки «досрочного» (без прохождения этапа «инверсионно-сублимированного» развития) достижения «единообразия» форм собственности, свертывания кооперативных и колхозно-кооперативных ее форм, а также товарно-денежных отношений и «ликвидации» классовых различий до достижения полного технологического обобществления (а отсюда и однородности) всех секторов экономики, не приводят к ожидаемому принципиальному повышению экономической эффективности общественного производства и росту производительности труда. Наоборот, вначале происходит замедление, а затем и «консервация» развития, ведущая к стагнационным процессам и деформациям социализма. Экономические функции «свернутых», «чуждых экономических форм» осуществляет «теневая экономика» (на активизацию которой указывалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС [4, с. 31]), которая в определенном смысле «восполняет» деформированную экономическую структуру.

Лишь достижение технологической однородности производства создает стабильную основу для реальной социальной однородности общества, «чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства» [1, т. 18, с. 537]. Существенный сдвиг вперед произойдет в процессе реализации концепции ускорения социально-экономического развития страны и достижения на данной основе качественно нового состояния советского общества.

В то же время цель перестройки и революционного обновления всех сторон жизни развивающегося социализма заключается и в том, чтобы «теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма» [5, с. 31]. В методологическом плане это означает прежде всего восстановление ленинского понимания взаимосвязи общей теоретической модели социализма и конкретно-исторической формы социалистического строительства.

К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали задачу конкретизации общетеоретического понятия социализма и пути ее достижения с учетом неравномерности, асинхронности вызревания материально-экономических, социально-политических и духовных предпосылок перехода к новому обществу. Заслуга же принципиального теоретического и практического решения указанной проблемы по праву принадлежит В. И. Ленину. «В наше время необычайно актуален ленинский ответ на вопрос, который задает жизнь, революционная действительность, — это вопрос о соотношении теоретической «модели» пути к социализму и реальной практики социалистического строительства» [5, с. 8]. Суть данного соотношения заключается в том, что «при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития» [2, т. 45, с. 379]. Открытый В. И. Лениным способ революционно-практичес-

кого включения стран средне- и слаборазвитого уровня развития капитализма в магистральное русло движения к социализму (куда относится и конкретизированная им идея некапиталистического развития (через инверсию, видоизменение обычного (с логической точки зрения) порядка развития); а также способ возвышения этого (недоразвитого) уровня экономического и культурного развития развивающимся социализмом, был практически реализован (и сейчас продолжает осуществляться) не только в СССР, но и в восточноевропейских странах периферийного капитализма, а позже и в ряде стран Азии.

Изложенное позволяет сделать вывод об актуальности дальнейшего исследования проблемы конкретно-исторических форм социализма и его основного противоречия.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Ленинский сборник. XL. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. 5. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. 6. Авксентьев А. Л., Фисун А. А. К вопросу об историческом призвании социализма//Вестн. Харьк. ун-та. № 309. 1987. 7. Алтухов В. Экономические противоречия и их познание//Вопр. экономики. 1987. № 2. 8. Бутенко А. П. Теоретические проблемы совершенствования нового строя: о социально-экономической природе социализма//Вопр. философии. 1987. № 2. 9. Письма в редакцию//Там же. № 12.

Поступила в редколлегию 27.05.88

Н. Б. МАЛАХОВА

ДИАЛЕКТИКА ПРИБАВОЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО ТРУДА В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для развития социально-классовых отношений в общественном процессе вообще и в конкретно-историческом становлении социалистического общества в особенности важное значение имеет вопрос о взаимоотношении прибавочного и всеобщего труда. К. Маркс подчеркивал, что классы — пустая абстракция до тех пор, пока не познаны основы, на которых они покоятся [1, т. 46, ч. I, с. 37]. Самой логикой восхождения от простых и абстрактных определений классов и классовых различий к более конкретным и развернутым обусловлено принятие за методологическую основу положения о взаимосвязи прибавочного и всеобщего труда как материально-практического основания диалектики классовости и бесклассовости (социальной однородности). При этом всеобщий труд рассматривается как главная характеристика общеисторического процесса развития человеческого общества, отражающая взаимодействие индивидов в процессе совместной совокупной общественной деятельности и указывающая на ядро их социальных отношений. Пронизывая все эпохи, всеобщий труд проявляется в разрешении системы многообразных социальных

противоречий, среди которых важную роль играет противоречие по поводу движения прибавочного труда.

Прибавочный труд в исторических условиях общественного разделения труда выступает такой превращенной формой всеобщего труда, по мере преодоления которой утверждается практическое основание отрицания классовой дифференциации и становления социальной однородности общества. С точки зрения социальных связей людей в общественное целое, главным в прибавочном труде является его направленность на формирование, осуществление указанных связей в условиях разделения производства на материальное и духовное, а непосредственного труда — на умственный и физический.

К сожалению, категорию прибавочного труда традиционно относят лишь к чисто экономическим явлениям. Ее социально-философская интерпретация еще недостаточно отражена в специальной литературе. Однако проблема прибавочного труда, будучи одной из центральных в марксистско-ленинской теории, играет важную роль в решении многих теоретических и практических задач. Отмечая крайне необходимое для теории значение деления труда и продукта на необходимый и прибавочный, К. Маркс подчеркивал: «...это распадение настолько же просто, насколько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам» [1, т. 23, с. 234].

Ф. Энгельс, говоря о заслугах К. Маркса в создании общей теории прибавочной стоимости, отмечал: «От решения этого вопроса берет свое начало научный социализм, и это решение является центральным пунктом научного социализма» [1, т. 20, с. 210]. Актуальность научного анализа социальных форм движения прибавочного труда подтверждает мысль Ф. Энгельса о том, что прибавочный труд и продукт являются «основой всякого общественного, политического и умственного прогресса» [1, т. 20, с. 199].

В. И. Ленин указывал на большое значение прибавочного труда для различения капиталистического и коммунистического способов производства. Так, в «Замечаниях на книгу Н. И. Бухарина „Экономика переходного периода“» В. И. Ленин подчеркивал, что прибавочный продукт в новом обществе в отличие от капитализма идет не классу частных собственников на средства производства, а трудящимся и только им, *больше никому*. При социализме прибавочный продукт не может быть собственностью отдельного работника, его создавшего, равно как и не может полностью принадлежать тому коллективу (предприятию, отрасли, региону), в рамках которого он произведен, — иначе неминуем путь к синдикализму [3, с. 381 — 382].

В работах основоположников марксизма-ленинизма прибавочный труд характеризуется: во-первых, как источник накопления и материальный базис развития производства и общества; во-вторых, как материальная предпосылка классовой дифференциации; в-третьих, как превращенная субстанция свободного времени

и всеобщего труда. Рассматривая указанные функции, следует иметь в виду, что определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от различного рода случаев, а также для обеспечения необходимого прироста населения и развития потребностей.

Прибавочный труд в своем движении неотъемлем от своей противоположности — необходимого труда. Противоречие необходимого и прибавочного труда берет начало из эпохи перехода от стадного существования людей к первобытно-общинной совместно-разделенной жизнедеятельности и систематическому созданию орудий труда. По мере того как люди начали развивать свои производительные способности и воплощать свою деятельность в средствах и продуктах труда, в воспроизводстве и развитии человека наряду с природными средствами существования все большую роль приобретает производство общественных средств развития. Производство орудий и средств труда, таким образом, выходит за пределы биологически, природно необходимого, это — первоначальная форма прибавочного труда. В общем средства производства представляет овеществленный прибавочный труд, а вещная форма существования способа развития общественного человека образует формы собственности на средства производства. Природа индивида как члена общины и субъекта совместной деятельности на этом этапе стала воплощаться не в конкретном, нерасчлененном тождестве необходимого и прибавочного труда, а в развитии опредмеченных, овеществленных сил производителя, т. е. в чем-то внешнем по отношению к нему самому. Благодаря средствам производства общественные связи отделились и обособились от людей, производительные силы оторвались от производственных отношений, а всеобщий труд превратился в рамках материального производства в особое состояние — прибавочный труд.

Вплощенный в средствах производства, прибавочный труд стал постепенно чем-то большим, нежели просто избыток над необходимым для существования индивидов продуктом. Излишек труда получил социальные функции: стал объектом отношений собственности. Средства производства — особый представитель прибавочного труда — выступают и материальным богатством, и средством создания нового богатства, и средством экономии рабочего времени, а следовательно, средством создания свободного времени общества. Разумеется, все развитие общества покоится на создании свободного времени, создании «...простора для развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и общества» [1, т. 46, ч. II, с. 216—217]. Однако процесс создания условий для общественного свободного времени осуществляется в ходе всей предыстории человечества в противоположных формах: всеобщий труд превращается в прибавочный, свободное время непосредственных производителей — во время прибавочного труда для других, а социальные связи в обществе получают форму классовой дифференциации.

Классовые отношения берут свое начало с того момента, когда собственник средств производства ставит под свой контроль обмен между необходимым и прибавочным трудом. Непосредственный производитель осуществляет тогда прибавочный труд не потому, что удовлетворил свои насущные потребности, наоборот, свои собственные самые необходимые потребности он может удовлетворить, лишь удовлетворяя вместе с тем потребности другого.

Присвоение прибавочного труда может быть как безвозмездным, так и в обмен на результаты чужого труда, что имеет важное значение для разграничения классовости антагонистического типа и классовости неантагонистической, или, другими словами, для разграничения классовой эксплуатации чужого труда и классовой дифференциации социальных отношений. Суть классового антагонизма — в безвозмездном присвоении чужого прибавочного труда, поскольку частнособственническое владение средствами общественного развития обеспечивает возможность высвободить время одних людей за счет присвоения без эквивалента прибавочного рабочего времени других.

В эпоху рабства и феодализма обмен между необходимым и прибавочным трудом происходил в форме личной зависимости. В условиях наемного труда такой обмен привел к возникновению промышленной основы производительных сил и прибавочной стоимости — конкретно-исторической форме прибавочного труда. В эпоху рабовладения собственник условий производства контролировал не только обмен между необходимым и прибавочным трудом раба, но и всю его жизнедеятельность. Личная зависимость раба, внеэкономическое принуждение ставили в один ряд его производительные способности и производительную силу рабочего скота и орудий труда. Собственно прибавочной была сама жизнь индивидуума. В феодальном способе производства средства существования, необходимые работнику, оставались после выполнения в пользу феодала большей части прибавочного труда в форме либо отработочной, либо продуктовой, либо денежной ренты. Но наиболее универсальной формой прибавочного труда стала его абстрактно-всеобщая форма — прибавочная стоимость. Она явилась высшей ступенью развития противоречия между необходимым и прибавочным трудом (высшей в том смысле, что завершила качественное превращение прибавочного труда и создала предпосылки для разрешения и снятия данного противоречия). К. Маркс отмечал: «Чем больше развивается это противоречие, тем яснее становится, что рост производительных сил больше не может быть прикован к присвоению чужого труда и что рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд» [1, т. 46, ч. II, с. 219—220].

Социалистическая фаза развития определяется тем, что прибавочный труд (время и продукт) и создается, и присваивается всеми членами совокупной ассоциации общественных производи-

телей, характеризуя тем самым социально-экономическое равенство людей в общественном производстве.

В силу конкретно-исторических обстоятельств в исторической практике советского общества противоречие между необходимым и прибавочным трудом не только сохраняет свою актуальность, но и играет особую роль в условиях перестройки и обновления всех сторон общественной жизни и, в частности социальной сферы, так как в специфической форме общественные отношения по поводу прибавочного труда остаются существенными и для современной формы социалистического производства и общества в целом.

В период культа личности и в годы застоя фундаментальные причины классовой дифференциации общества недооценивались, зачастую игнорировались вообще. Накопилось немало трудностей, произошли серьезные деформации в развитии социальной сферы советского общества. С позиций диалектики прибавочного и всеобщего труда, важным представляется не только преодоление тяжелого наследия прошлых лет, но и поиск новых, современных форм развертывания противоречия между необходимым и прибавочным трудом.

В социально-классовой структуре советского общества движение указанного противоречия имеет как бы несколько ступеней (срезов). Следовательно, и задачи по осуществлению всеобщего и прибавочного труда в развитии социально-классовых отношений носят многоплановый (многослойный) характер.

В первую очередь необходимо возродить ленинский облик нового строя, очистить его от наслоений и искажений, освободиться от всего, что сковывало социальное развитие и препятствовало реализации в полном объеме сущностных черт социализма. Нужно придать, кроме того, новое качество социальным процессам, учитывая все реалии движения противоречия между необходимым и прибавочным трудом. Представляется, что подобное движение включает два направления: 1) разрешение и утверждение всеобщего труда в собственной форме; 2) развитие противоречия по ступеням зрелости прибавочного труда, т. е. движение всеобщего труда в превращенной форме.

По существу, разрешение противоречия ведет к преодолению классовой дифференциации, а развитие противоречия — к углублению последней. Первое из указанных направлений предполагает решение проблем, связанных с удовлетворением необходимых насущных потребностей трудящихся, с использованием новых методов экономического хозяйствования и социальной переориентацией производства, вторая — предусматривает развитие всех видов собственных форм всеобщего труда на данном этапе. В целом имеется в виду воплощение данного противоречия во взаимодействии двух несовпадающих тенденций: перспективы утверждения бесклассовости (однородности) и актуальной неизбежности углубления классовой дифференциации в условиях перестройки и обновления всех сторон общественной жизни.

Все еще остаются острыми такие проблемы социальной сферы, образующие область необходимого труда, времени и продукта, как продовольственная, жилищная, проблемы обеспечения населения качественными товарами и услугами, охраны здоровья. Решение указанных проблем должно способствовать сокращению общественно необходимого времени и обогащению средств общественного развития людей, влияя тем самым на преодоление классовой. В данной области имеется еще немало резервов для развития взаимосвязи всеобщего и прибавочного труда. Прежде всего это преодоление различного рода недостатков и просчетов в использовании живого и овеществленного труда, образующих прямые потери необходимого труда, времени и продукта. В частности, невыполнение договоров и срыв поставок смежниками, приписки и незавершенное строительство, низкое качество товаров и услуг, диспропорции ценообразования тяжелым бременем скажутся на развитии совокупной деятельности, сдерживают рост материальных и духовных возможностей полнокровной и свободной жизнедеятельности трудящихся, развитие бесклассовости, социальной однородности.

Существенным резервом развития прибавочного труда являются хозрасчетные и арендные формы организации производства. Прибавочный труд — важнейший критерий хозяйского отношения к процессу и результатам труда и производства. Кто присваивает и распоряжается прибавочным трудом, тот и есть реальный хозяин производства. Социалистическое хозяйствование отличается главной особенностью — совпадение в одном субъекте и труженика, и собственника, т. е. и непосредственного производителя, и реального распорядителя своего прибавочного труда, независимо от того, выступает ли субъектом отдельный человек, трудовой коллектив предприятия, отрасли или совокупный работник всего народного хозяйства. Совпадение указанных двух функций призвана обеспечить расширяющаяся практика самофинансирования, самоокупаемости и самоуправления, на основе которой закрепляется сочетание индивидуальных, групповых и общих общественных интересов. Однако следует иметь в виду, что подобное взаимодействие таит опасность конфронтации и конфликта между действительными интересами общества и узкопонятыми, эгоистическими, корыстными интересами групп, ведомств, регионов или отдельных наций.

Средством предотвращения подобных конфликтов, недопущения локального, монопольного, неэквивалентного присвоения прибавочного труда является демократизация управления производством и обществом. Демократизация экономической и политической систем советского общества образует живую действительность движения всеобщего труда, практику его реального осуществления. Развитие народной инициативы и самоуправления — не самоцель, а инструмент раскрытия гуманистических возможностей нашего строя, его развития во имя человека, способ преодоления отчуждения личности не только от средств и продуктов труда, но

и от политики, достижений духовной культуры. Именно на путях преодоления отчуждения и вырисовывается механизм полного самовыражения всех многообразных интересов людей и групп, что соответствует требованиям бесклассовости, социальной однородности.

Демократизация и универсализация управления сферой материального производства создают различные формы развития всеобщего труда в его собственных формах. Это — и совершенствование избирательной системы, и углубление правовых основ Советского государства, и расширение практики выборности руководителей, сочетающейся с постоянным контролем за их деятельностью «снизу», и участие трудящихся в экономическом и социальном планировании. Но главное — это развитие науки, образования, культуры, распространение рационализаторства и изобретательства, всех форм самодеятельности (общественной, технической, художественной), совершенствование социалистического соревнования как массовой разновидности социального творчества трудящихся в производственной сфере, повышение их ответственности, уровня компетентности, квалифицированности, профессионального мастерства и гражданской активности. Все это необходимо для устранения социальных и материальных пределов самодеятельности и самостоятельности труженика в производстве и в общественной жизни, т. е. для преодоления классовых различий путем развития субъекта всеобщего труда.

Отвергнув догматическое, волюнтаристское, бюрократическое искажение идей В. И. Ленина о социально-классовом развитии, следует исходить из того, что только необесцененные, подлинно социалистические принципы классовости могут и должны выступать надежными ориентирами в дальнейшем прогрессе общества. Историческая практика показала, что попытки искусственно упростить, схематизировать намеченный В. И. Лениным путь, форсировать бесклассовый социализм, переступая при этом через этапы движения всеобщего труда и его превращенной формы, тормозили и серьезно осложняли развитие социализма в нашей стране.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Ленин В. И. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник. XI. 4. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., 1988.

Поступила в редколлегию 17.03.88

ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ У РАБОЧИХ ХОЗЯЙСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ И ОБЩЕСТВЕННОМУ ДОСТОЯНИЮ

Опыт первых шагов перестройки показывает, что придать социализму адекватный его природе динамизм могут лишь системно-целостные решения и взаимосвязанные радикальные реформы научно-технического, производственно-экономического и организационно-управленческого характера. Вдохнуть в них энергию, интегрировать в стабильном развитии могут лишь столь же комплексные качественно новые проявления мышления и поведения трудящихся. Именно поэтому наряду с социально-экономическим обновлением в советском обществе превосходит подлинная революция сознания, в процессе которой преодолевается состояние апатии и отчужденности [3, с. 23, 82]. И именно поэтому остро актуализировалась общественная потребность в массовом, по-хозяйски заинтересованном отношении трудящихся к своему труду и общественному достоянию.

В становлении и утверждении данного качества аккумулярована вся диалектическая противоречивость объективных процессов интеграции и дифференциации в обществе, трансформации «моего» в «наше» и, что более важно, — «нашего» в «мое». Социализм призван стать первым в истории социальным пространством, где во всевозрастающей мере может и должен происходить обоснованный еще основоположниками научного коммунизма скачок из царства необходимости в царство свободы и где начинается собственно человеческая история, где люди учатся и живут «социальной жизнью» [1, т. 46, ч. 1, с. 105], где становится все более объективно необходимой и острой потребность в расширении границ реализации именно целостного социального потенциала всех и каждого члена общества.

Исходным духовно-нравственным началом хозяйского отношения к общему делу выступают такие состояние и уровень развития личности и ее ассоциаций, при достижении которых, по определению Ф. Энгельса, «люди смогут уяснить себе собственные общественные интересы» [1, т. 30, с. 451]. Данное качество представляет собой добровольно осознанную и мотивированно принятую программу индивидуального действия по ускорению социального прогресса. И было бы упрощением сводить его только к наращиванию и реализации трудового потенциала личности.

Курс на ускорение радикальных преобразований во всех сферах жизни, первый опыт апробации активно-емких самоуправленческих начал, закрепление новых, прогрессивных, наглядно убедительных форм оценки индивидуально-неповторимого вклада каждого в общее дело, идейно-нравственные уроки правды и гласности — нормативные звенья революционного обновления обще-

ства. Вместе с тем это и мощные объективные предпосылки преодоления законсервированного в годы застоя отчуждения, раскрепощения людей, качественного возвышения их ответственного отношения к труду. Однако указанные предпосылки не срабатывают, если они не материализованы в четкие, стабильные рабочие механизмы — организационные, воспитательные, просветительско-информационные, экономические и т. д., представляющие собой в своем системном единстве ступени зрелости реального восхождения личности. Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности каждого. Реальность достижения поставленных кардинальных целей напрямую связана с масштабным развертыванием по-хозяйски заинтересованной, предметной и ответственной активности [2, с. 140].

Некоторые субъективные предпосылки в лице мотивационной готовности члена социалистического общества действительно влияют на широкий диапазон его развивающихся структур были изучены на основе цикла конкретно-социологических исследований, проведенных авторами в 1984 — 1987 гг. на 16 харьковских и 2 белгородских промышленных предприятиях (суммарная выборка — 1863 рабочих).

В числе установок и мотивов, которыми руководствуются рабочие при программировании и осуществлении своих активно-творческих действий, выделяются несколько типичных, повторяющихся во времени и социальном пространстве (т. е. в разрезе всех исследуемых коллективов) направлений. Во-первых, ориентация на должное, чаще всего на безусловное, выполнение и перевыполнение плановых заданий (55—70 %). Во-вторых, более социально емкое, но все же жестко сопряженное с производственными ориентациями, направление общественной активности: экономное, бережливое отношение к государственной собственности, участие в соревновательных производственных мероприятиях, борьба за качество продукции (35—45 %) (с достаточным разбросом удельного веса по массиву). В-третьих, нацеленность на творчество как готовность мобилизовать свой профессиональный потенциал, способствовать развитию и реализации инициатив других (пока еще небольшая группа рабочих — около 20 %). Достаточно емко и «плотно» во всех 18 коллективах наличествует четвертое из реальных проявлений чувство хозяина производства: борьба с безответственностью, бракоделами, нарушителями дисциплины и одновременно оказание профессиональной помощи товарищам по коллективу. Такой отчетливо социальной ориентации придерживается каждый третий опрошенный. Наконец, выделяется еще одно (пятое) внепроизводственное измерение хозяйской позиции: участие в общественной жизни, в управлении делами коллектива, готовность формировать качество хозяина у других посредством своего личного примера и целенаправленного воспитательного воздействия: словом, убеждением, критикой, поддержкой всего передового. Эту (назовем ее «формирующей») позицию занимают 20—25 % рабочих.

Рабочие самокритично признают, что трудятся они еще не в полную силу, а их потенциал не используется даже наполовину. Сказанное обусловлено не только внешними обстоятельствами, но и причинами индивидуально-личностного характера. И такая ситуация, к сожалению, достаточно типичная. Исследования, которые проводились в других регионах, показали: 2/3 опрошенных рабочих, занятых в различных отраслях народного хозяйства, считают, что работают значительно ниже своих способностей и загружены на своем рабочем месте меньше, чем это допустимо и необходимо. Существуют и более обобщенные данные: возможности работника в СССР используются лишь на 30—50 % [4, с. 127].

Проведенное авторами исследование позволило установить шкалу тех ожиданий, которые, по мнению рабочих средних и небольших предприятий, будучи реализованными, помогут им реально и многосторонне раскрыть свой потенциал. Подавляющее большинство рабочих (88,2 %) в качестве первостепенного фактора называют улучшение технической оснащенности труда. Многие (42—43 %) весомым стимулирующим фактором считают улучшение организации и нормирования труда. 41—45 % отмечают, что развитию их производственной активности препятствуют плохие санитарно-гигиенические и производственно-бытовые условия; 84,6 % предлагают повысить оплату труда.

Рабочие хотя и признали авторитетными другие актуальные действия, но высказались в их пользу пока немногие. Только 21,9 % рабочих (а точнее, работниц, поскольку в выборку входили преимущественно предприятия легкой промышленности со значительным женским контингентом) предлагают сделать труд более содержательным и творческим; 13,6 % — повысить ответственность и активность членов коллектива; 18,3 % — ввести более обоснованную и справедливую оценку вклада каждого в общее дело; 15,7 % видят резервы более высокой производственной отдачи в моральном стимулировании; 18,3 % — в более оперативном информировании членов коллектива о его успехах и трудностях; 10 % — в совершенствовании воспитательной работы в коллективе. Только 15,1 % опрошенных видят первоочередную необходимость в расширении возможностей рядовых работников реально и повседневно влиять на все дела коллектива. В то же время весьма количественно-емко видятся тормозящие издержки социального климата в коллективах. 46,1 % респондентов настоятельно рекомендуют администрации больше внимания уделять запросам и предложениям работников; 36,7 % — высказывают аналогичного рода пожелания в адрес руководителей общественных организаций.

Показательно и то, что реальные (пусть пока еще робкие и немассовые) ростки хозяйски заинтересованных побуждений рабочих далеко не всегда получают необходимую поддержку в коллективах. Авторами проведен сравнительный анализ суждений рабочих по двум параметрам («хотел бы участвовать» и «участвую») по 20 традиционным и относительно новым формам участия в делах коллектива (рабочие собрания, распределение поощрений, соревнование и новаторские инициативы, шефские виды помо-

щи, внедрение НОТ, кружки качества, комплексные творческие формирования, внедрение инноваций, воспитательная практика и т. д.). Оказалось, что по всем без исключения позициям готовность к участию превышает его наличие. В среднем (как тенденция) около 10 % хотели бы участвовать *по каждой позиции*, но в настоящее время так могут поступить лишь около 3 %. Думается, что удовлетворить не могут ни абсолютные параметры ориентации, ни их соотношение.

Субъективные установки и объективные условия реализации хозяйского отношения к общему делу у рабочих существенно различаются. Поэтому столь же неоднозначны и социальные механизмы формирования данного качества. Одни из них должны, на наш взгляд, иметь компенсирующее назначение, т. е. формировать *еще* слаборазвитые социальные качества; другие — следует направить на усиление, более зрелое воплощение уже имеющихся социально активных качеств. Возможна и иная классификация механизмов: одни из них могут иметь линейное и отраслевое (организационное, воспитательное, производственное), другие — комплексное воплощение. Механизмы могут носить поисковый или же традиционный, утвердившийся характер, быть непосредственными, локальными, воплощающимися в рамках первичной, как правило, профессиональной и социально однородной микросреды, или же опосредованными, социально объемными, проявляющимися в жизнедеятельности вторичного (основного) коллектива или еще в более широких структурах, вплоть до масштабов общества в целом. Естественно, что предложенная «разверстка» механизмов — скорее свидетельство неисчерпаемого многообразия, чем какая-либо их исчерпывающая фиксация, тем более, что каждый из таких механизмов не является носителем одного *чистого* формирующего назначения, а действует как преимущественный фактор. К примеру, можно говорить о комплексах локальных усиливающих или же о линейных опосредованных компенсирующих механизмах.

Поскольку подробный анализ своеобразия существующих моделей выходит за рамки настоящей статьи, ограничимся рассмотрением лишь некоторых из них. Прежде всего это комплексные механизмы локального назначения. С одной стороны, было бы наивно представлять, что чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется в первую очередь теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. Но с другой — функционирование и развитие благотворно мобилизующих активность хозрасчетных отношений (и здесь приобретает реальное содержание социалистическая предприимчивость) не может быть эффективным, если рабочие плохо информированы, «не знают планов своего предприятия» [2, с. 39, 59]. Необходимость приведения организационной и идеологической работы в соответствие с задачами радикальной экономической реформы наглядно видна на примере работы производственных бригад.

Производственная бригада — относительно обособленный микроколлектив. В такой обособленности, постоянно питаемой стремлением коллективно и с участием каждого получить планируемый конечный результат, заложены тенденции повышения экономической эффективности. Но эти же тенденции могут приобрести (и уже приобретают, как показывает первый массовый опыт) некоторую негативную направленность: напряжение в морально-психологическом климате и даже центробежные импульсы в бригаде. Уже ощутимо, что ориентация только на производственные достижения, на высокий заработок ведет к определенной обособленности бригад, к появлению в какой-то степени вражеских настроений, к нарушению внутриколлективных связей.

Все это, на наш взгляд, актуализировало необходимость существенных изменений в информирующих и воспитательных звеньях идеологического механизма. Представляется целесообразным проанализировать, что же представляет собой целостно-воспитательный механизм в бригаде, способный компенсировать объективно воспроизводимую односторонность ее социального развития и усилить ее позитивные экономические хозяйственные черты и составляющие его элементы.

В своей доминирующей направленности воспитательная работа должна утверждать у всех рабочих представление о том, что бригада — это не только самостоятельный микроколлектив, но и вполне определенное коллективное рабочее место внутри разделения труда в рамках цеха, завода, объединения. Бригада нового типа для того и создана, чтобы повышать конечную эффективность работы предприятия в целом, т. е. всей своей деятельностью и комплексной социальной отдачей она должна четко улавливать ритм, неотложные и перспективные задачи основного (заводского, фабричного) трудового коллектива, работать на него. И согласовать указанные тенденции можно средствами двоякого рода. Во-первых, экономически органичнее связать результаты работы бригады с результатами работы всего предприятия. При этом с помощью информационно-воспитательных средств должен быть обеспечен примат интересов предприятия над интересами бригады; во-вторых, идеологическая работа должна стать органичной частью всех совокупных усилий, преодолевающих вполне возможные противоречия в системе «бригада — другие бригады — комплекс бригад — предприятие в целом».

Возможными вариантами решения данной проблемы могут быть следующие: 1) проведение определенной части (возможно 30—50 %) массово-политических мероприятий на межбригадной (в рамках участка, цеха) основе; 2) по мере необходимости столь же определенную (30—40 %) часть всех мероприятий воспитательного характера проводить в рамках бригады в условиях, когда между носителем информации, воспитателем и аудиторией нет духовно-психологического барьера; 3) целесообразно какую-либо часть воспитательно-пропагандистских мероприятий (возможно 20—30 %) проводить по целевому заказу членов бригад, утверждая тем самым самоуправленческие потенции каждого члена кол-

лектива. Чем больше каждый член бригады утвердится в мысли, что он действительно и реально сможет влиять на ход идеологических процессов в коллективе, тем стабильнее будет у него чувство ответственности за эту работу; 4) идеологическая работа непосредственно в первичном микроколлективе должна стать не только информационным каналом и духовным потоком, идущим от более информированного субъекта (пропагандист, лектор, политинформатор) к аудитории, но и носителем других актуализирующих функций воспитательной практики. В ходе воспитательных акций в первичном микроклимате важно обеспечивать возможность духовно-психологического общения членов бригады, их совместного искания истины, умения работать на коллектив. С этой целью целесообразно (вначале выборочно, а затем все более массово) проводить мероприятия (политинформационные сообщения об актуальных событиях, небольшие рефераты, своеобразные отчеты о туристических зарубежных и внутрисоюзных поездках или об участии в семинарах, вечерах и т. д.), в которых поочередно или в соответствии с обстановкой воспитателем-политинформатором выступает каждый член бригады. К. Маркс и Ф. Энгельс писали о возможных общественных ситуациях, когда индивиды будут «духовно творить друг друга» [1, т. 3, с. 36]. В условиях перестройки в первичных производственных коллективах данный процесс уже следует начинать и развивать.

В определенных изменениях нуждается пропагандистский корпус. Действующая система политинформации, специализирующаяся по четырем направлениям, была создана в условиях, когда бригада нового типа не была развита столь массово. Политинформаторы и агитаторы обеспечивали необходимую качественно-информационную сторону воспитания, однако учитывать в полной мере духовные процессы в бригаде они не могли. Поэтому считаем необходимым реорганизовать группу воспитателей следующим образом: 1) объединить политинформаторов при едином центре (партком или партбюро крупного цеха), ввести специализацию по вопросам социально-экономического развития коллектива. В данную группу можно включать идеологических работников, которые специализировались ранее на вопросах внутренней политики и экономики. Их задача: давать членам различных бригад целостное представление о социальном развитии страны, отрасли, завода и его подразделений (цех, бригада). Таким образом, идеологически будет обеспечиваться работа по формированию хозяйского отношения к общенародному достоянию; 2) в бригаде (в зависимости от ее численного состава) сформировать идейно-воспитательную группу универсального характера. Задача этих внутрибригадных воспитателей заключается в постоянном информировании своего коллектива о происходящих процессах в рамках советского общества, других стран и столь же актуальных вопросах жизни бригады. Таким образом, постепенно будет сформирован целостный организационно-воспитательный организм, в котором рабочий перестанет быть пассивным объектом, воспринимающим информацию, а станет активным, внутренне мобилизованным субъектом самовоспитания

и воспитания других. Информационный процесс перестанет быть для него чем-то внешним, а станет собственным делом, и человек будет включен в него по-новому.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., 1988. 4. Рабочий класс и современный мир. 1987. № 5.

Поступила в редколлегию 20.02.88

В. В. РУБАНОВ, канд. филос. наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА: СТРУКТУРА И КРИТЕРИИ

Перестройка формирует культуру демократии и самоуправления народа на основе политической культуры рабочего класса, являющейся системообразующим элементом всей культуры советского общества, ее ядром. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать специфику политической культуры рабочего класса, конкретизировать применительно к современным условиям сам механизм приобщения отдельной личности к политическим ценностям и идеалам. Настоятельная необходимость исследования структуры политической культуры рабочего класса обусловлена также малоразработанностью, значительной размытостью и неопределенностью теоретических знаний о структуре политической культуры вообще. Одна из причин последнего, на наш взгляд, заключается в том, что при ее анализе основной акцент делается на «человеческом» компоненте политики и культуры без учета важнейших методологических концепций основоположников научного коммунизма о том, что «политика есть отношение между классами» [2, т. 43, с. 72] и что субъекты культуры действуют «не как индивиды, а как члены класса» [1, т. 3, с. 76]. Следовательно, в определениях структуры политической культуры классовый критерий выступает размытым, а сущность политической культуры сводится к характеристике представлений граждан о политических процессах и отношениях отдельных граждан к власти. В данной связи нельзя согласиться и с упрощенной, на наш взгляд, трактовкой структуры политической культуры личности, сводящей системную взаимосвязь ее элементов к политическому сознанию граждан [5, с. 59], или, более того, считать политическую культуру элементом политического сознания рабочего класса [8, с. 51]. Такое отождествление политической культуры и политического сознания, равно как и абсолютизация последнего, ведет к неправильному истолкованию обеих категорий, существенно обедняет их структурное содержание. По нашему мнению, политическая культура — явление более сложное, нежели политическое сознание. По сути это конечный результат, качественное проявление политического со-

знания класса. Политическое же сознание входит в политическую культуру как один из важнейших элементов, обуславливает развитие других ее элементов и проявляется через политические убеждения в деятельности. Именно навыки политической деятельности, приобретенные классом или иным социальным субъектом в процессе общественно-политической практики, позволяют разграничивать две данные категории, дают право на существование политической культуры как *качественной* характеристики социально-преобразующей деятельности. Справедливость изложенного утверждения мы постараемся обосновать на примере исследования структуры политической культуры рабочего класса.

Исходным пунктом анализа является характеристика политических потребностей и интересов как системообразующего элемента политической культуры, которые наряду с материальными потребностями и интересами лежат в основе всех видов деятельности социального субъекта, в том числе и рабочего класса, выступают одним из главных побудительных мотивов и факторов его политической деятельности, что собственно и позволяет включать их в функциональную систему политической культуры. При этом основным объектом политических интересов рабочего класса выступает, как известно, политическая власть, способы ее организации и использования. В данной связи именно ценностно-ориентационный аспект социально-преобразующей деятельности рабочего класса — субъекта социального творчества, по отношению к объекту — политической власти в обществе, реализации своих классовых интересов и потребностей, является субординирующим и мобилизующим в общей системе функционирования политической культуры.

Политическая культура, будучи мерой развития потребностей и интересов рабочего класса, или, словами В. И. Ленина, «правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата» [2, т. 41, с. 337], не может существовать без системы политических знаний. Политические знания есть элемент политической культуры, ибо представляя собой необходимую предпосылку, важнейшее условие социально-преобразующей деятельности и лежат в основе формирования политической идеологии класса как теоретического руководства к практической борьбе масс. Сказанное обуславливает существование знаний в двух формах: обыденного эмпирического и научного — в форме теоретического сознания.

Политические знания как элемент политической культуры — это основные способы существования политических взглядов, представлений, идей, норм и традиций, выражающих коренные классовые интересы, содержащие понимание смысла, цели политической деятельности как средства преобразования общества. Философско-мировоззренческую основу указанных знаний составляют фундаментальные положения марксизма-ленинизма в целом, материалистической теории политики в частности, раскрывающие экономическую обусловленность политики, ее классовую сущность и закономерности политических процессов. Сюда же следует отнести

и те знания, которые отражают взаимодействие политики с другими сферами общественной жизни, с различными формами общественного сознания. Особенно важно выделить роль правовых и экономических знаний, которые выступают в процессе становления социалистического самоуправления, являются необходимым условием эффективной деятельности каждого рабочего, самым непосредственным образом влияют на качество участия в управлении и социальное творчество, способствуют формированию чувства хозяина производства, содействуют всестороннему развитию личности и социальной группы в целом.

Сказанное подтверждают данные проведенного автором социологического исследования роли и значения воспитательной практики в механизме формирования качества хозяина производства *. Более 40 % опрошенных рабочих связывают дальнейшее совершенствование этого качества с правовым и экономическим всеобучением, повышением его действенности в системе мобилизующих факторов. Характерно, что сама по себе проблема удовлетворенности рабочих сложившейся системой экономического, политического и правового просвещения и информирования — лишь одна из сторон процесса формирования политической культуры. Другая, и, как показали исследования, основная, заключается в том, что от степени удовлетворенности рабочих существующей системой политического и экономического образования зависит и формирование у них потребности в социально-политической деятельности. Посредством корреляционного анализа здесь выявлена статистически значимая связь. Коэффициент корреляции по Крамеру оказался значимым: $T_0 = 0,176$ при $V = 8$, $X^2 = 38,914$. Существенно и то, что почти каждый четвертый рабочий, оценивая интегрирующую роль идеологического процесса в своем коллективе, отметил тесную взаимосвязь между политико-воспитательной работой и формированием их научного мировоззрения. Овладеть системой марксистско-ленинского учения — значит овладеть методом политического мышления и деятельности рабочего класса. Являясь качественным проявлением политических знаний, политическое мышление выступает, следовательно, и необходимым элементом политической культуры. Его роль и специфика заключаются в том, что он выражает не просто политические знания, а способность, умение рабочего класса на основе их и с учетом новизны времени пользоваться основными принципами оперирования политическими категориями, проникать в суть политических явлений и событий и с помощью этого строить свою политическую деятельность. Вне нового мышления, опирающегося на современные реальности и волю народов, политика становится непредсказуемой импровизацией, рискованной и для собственной страны и для других [4, с. 55].

Характеризуя политическое мышление как качественное проявление, показатель усвоения политических знаний, необходимо под-

* Исследование проведено на 15 предприятиях Харьковской области (мас-сив — 975 чел.).

черкнуть, что знания еще не выражают отношения к достоверности познания и к оценке явлений внешнего мира. Осознанное знание, воля к его осуществлению — такой уровень процесса усвоения политических знаний и развития политического мышления, когда они превращаются в устойчивые убеждения, т. е. систему научных взглядов, которые рабочий класс считает истинными, соответствующими его коренным классовым интересам. Наличие развитого политического сознания — гарантия четкой идеологической ориентации, готовности к практическим действиям.

Развертывая борьбу за оздоровление общества, партия с самого начала исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения. Формировать сознание миллионов трудящихся в духе перестройки — одно из ключевых направлений идеологической деятельности [3, с. 61]. Формированием политических убеждений еще не завершается процесс овладения политической культурой. Это пока еще осознание необходимости деятельности, своеобразная подготовка к ней. Реализация же указанной деятельности зависит в свою очередь не только от готовности, но и от способности субъекта к действию.

Безусловно, политическая убежденность на личностном уровне представляет собой уже в определенной степени способность (выработку собственной позиции, линии поведения), однако подлинным проявлением, логическим завершением формирования способности применительно к такому субъекту, как рабочий класс, выступает только его политическая организованность. Развитие классов, отмечал Ф. Энгельс, происходит под влиянием производства и форм организации общества, господствующих в нем моральных и религиозных отношений, традиций и бытовых особенностей. Рабочий класс как социально-экономическое образование — только зародыш рождающегося класса, еще не способный к самостоятельному политическому действию [1, т. 19, с. 194].

В. И. Ленин, развивая приведенную мысль, подчеркивал, что класс — категория не только экономическая, но и политическая: рабочий класс только тогда становится действительно классом, когда он выступает как политически организованная сила, противостоящая классу буржуазии. Класс есть понятие, которое складывается в борьбе и развитии [2, т. 40, с. 309—310]. Из сказанного следует, что политическая организованность рабочего класса, т. е. способность самостоятельно реализовать свой классовый интерес средствами политики и во всех элементах политики (идеологии, организациях, учреждениях, отношениях и деятельности), выступает как бы промежуточным связующим звеном между политическим сознанием и деятельностью, являясь важнейшим структурным элементом его политической культуры.

Таким образом, выступая основой и условием формирования политической культуры, политическая деятельность характеризует собой еще один элемент политической культуры рабочего класса. Как справедливо замечает Ю. П. Ожегов [7, с. 71—72], в политическую культуру входит не всякая деятельность, а лишь та, кото-

рая удовлетворяет двум требованиям. Первое — это коммунистическая политическая ориентация деятельности, т. е. совпадение ее с объективно необходимыми, закономерными тенденциями общественного развития, с коренными интересами рабочего класса, всех трудящихся. И второе требование, которому должна удовлетворять политическая деятельность, — это умелая реализация политических и, например, психолого-педагогических знаний, аналитико-оценочных выводов, убеждений в способах деятельности, ее средствах, стиле, организационных формах и т. д. Однако важно подчеркнуть, что политическая культура — это не только политически выверенная, сориентированная и реализованная деятельность, но и ее качественная характеристика, показатель развития социального субъекта в процессе данной деятельности. Идеалы и цели, которые он ставит перед собой, являются внутренними побудительными мотивами деятельности и реализуются в двух основных способах деятельности: деятельности, которая осуществляется как социальная необходимость, обязанность, и деятельности, которую можно назвать естественно необходимой, самодеятельностью [1, т. 26, ч. III, с. 266]. Именно во втором способе деятельности наиболее полно реализуется политическая культура, ибо указанный вид деятельности в трудовой, общественно-политической деятельности, системе социалистической демократии воспринимается и осуществляется им как внутренняя потребность. Это уже предпосылка и существенная характеристика политической культуры любого социального субъекта, в том числе и рабочего класса. Характерным здесь является то, что степень развитости интересов и потребностей рабочего класса определяет и меру реализации его сущностных сил в социально-преобразующей деятельности, уровень его политической культуры. Механизм формирования политической культуры включает в себя структуру причинно-следственных связей составляющих ее элементов, однако согласование указанных социальных качеств в единое целое и образование на данной основе такого общественного явления, как политическая культура, именно и достигается в том случае, когда у рабочего класса сформирована устойчивая, глубоко осознанная потребность в политической деятельности.

Вместе с тем нетрудно заметить, что сформированность такой потребности — важнейший, но не единственный, критерий политической культуры.

Главным и определяющим критерием политической культуры выступает сама практическая деятельность, поскольку основополагающей базой формирования политической потребности является не просто система мировоззренческих и политических убеждений, а материально и социально-преобразующая деятельность. Характерно, что именно в этом видят роль коллективных форм организации труда и большинство опрошенных рабочих (74,4 %), считая, что новые формы организации труда расширяют сферу приложения их творческих способностей, укрепляют в сознании каждого рабочего понимание взаимосвязи личных, коллективных

и общественных интересов, воспитывают чувство коллективизма, потребность принимать непосредственное участие в управлении делами трудового коллектива и общества в целом.

В условиях революционного обновления общества трудовая и политическая деятельность становится подлинной самостоятельностью миллионов трудящихся — носителей социалистической политической культуры. Вместе с тем инициатива трудящихся, живое творчество масс неотделимы от повышения их дисциплины и чувства ответственности. В развитии форм и способов социалистического самоуправления нельзя допускать разрыва между словом и делом, несерьезного отношения к проведению в жизнь принимаемых демократическим путем решений. Если они выполняются не до конца или вовсе предаются забвению, общественной активности масс наносится большой урон [8, 1985, № 3, с. 8]. Политическая ответственность, формируясь на основе политических знаний и убеждений рабочего класса, восполняет необходимую связь между его политическим сознанием и политической деятельностью, является важнейшим элементом политической культуры, показателем ее развития. Функционирование политической культуры невозможно без преемственности и освоения богатейшего опыта политической борьбы рабочего класса. Однако раскрытие политической культуры только через преемственность, в отрыве от созидательной, творческой стороны, было бы неполным. «Хранить наследство, — отмечал В. И. Ленин, — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...» [2, т. 2, с. 542]. Актуальное значение поэтому приобретает задача развития и обогащения форм практики политического участия, политической деятельности всех социальных групп и слоев общества. Специфическим элементом политической культуры рабочего класса выступают ее институты — такие социальные механизмы, которые специально создаются им для распространения политических взглядов, убеждений, норм поведения в обществе.

Центральным институтом политической культуры является КПСС, которая формирует политическое сознание и культуру масс в процессе их непосредственной деятельности, придавая последней творческий характер. Специальные институты политической культуры — это широкая сеть политического образования. Вторую, не менее важную группу институтов политической культуры составляют партийные и общественные организации, трудовые коллективы, Советы народных депутатов, дошкольные и школьные, высшие и средние специальные учебные заведения, культурно-просветительные учреждения, средства массовой информации. Широкие возможности в деле формирования и развития политической культуры предоставляет перестройка созданным творчеством самих масс, наряду с Советами, различным органам общественного самоуправления, участие в работе которых дает рабочим возможность повышать свой идейно-политический уровень, приобретать практические навыки и умения реального участия в управлении общественными делами. Так, более 1/4 опрошенных (26,9 %) из

числа рабочих, вносящих конкретные предложения по перестройке деятельности своего коллектива и общества в целом, использовали для этого не только официальные формы управления, но и такие органы общественного самоуправления, как советы трудовых коллективов, общественные отделы кадров, бюро экономического анализа.

Таким образом, элементы политической культуры рабочего класса относительно самостоятельны, выполняют присущие каждому из них специфические функции. Вместе с тем они взаимобусловлены и находятся в диалектическом единстве, образуя структуру единого целого. Проведенный анализ дает нам возможность определить сущность и структуру политической культуры рабочего класса как органически присущее ему системное единство политических потребностей, интересов, знаний, мышления, убеждений, организованности, ответственности, политической деятельности, а также институтов, обеспечивающих способ деятельности рабочего класса в сфере социально-политических отношений (а опосредованно — в любых видах деятельности), меру его развития, включенности в реализацию политической власти, соответствия своей исторической миссии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. 4. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. 5. Бражник И. И., Руденко В. В. Формирование политической культуры граждан — важнейшее средство преодоления религиозного экстремизма//Актуальные проблемы идеологической борьбы на современном этапе. К., 1980. 6. Когтева А. А. Социализм и рабочий класс. М., 1984. 7. Ожегов Ю. П. Политическая культура и молодежь//Искусство воспитания. М., 1981. 8. Коммунист.

Поступила в редколлегию 25.12.87

А. Н. ДОВБНЯ, канд. филос. наук, Е. Н. ДОВБНЯ

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАЧАЛ В УПРАВЛЕНИИ РЕАЛИЗАЦИЕЙ КЛАССОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Классовые экономические интересы колхозного крестьянства являются объективной реальностью*. Интересы, все более полно отражаясь в общественном сознании, побуждают людей приводить в соответствие им отношения надстройки, на которые ложится большая нагрузка обеспечения реализации интересов — средства, с помощью которого осуществляется перестройка, отмечалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС [4].

* На объективную природу интересов неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма [1, т. 3, с. 235—236; т. 4, с. 144, 183—184; т. 6, с. 451; 2, т. 1, с. 430, 441, 451; т. 2, с. 226—227; т. 3, с. 50].

Эффективность использования интересов в целях наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей во многом зависит от уровня развития демократических начал в обществе. В. И. Ленин высоко оценивал возможность трудящихся управлять производством и общественными делами. В привлечении масс к управленческой деятельности он видел «чудесное средство», способное *удесятерить* наш государственный аппарат [2, т. 34, с. 313]. «Необходимо еще и еще расширять участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства. Если мы этой задачи не решим... тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца» [2, т. 37, с. 450—451]. С первых лет Советской власти В. Н. Ленин рассматривал участие трудящихся в управлении народным хозяйством как одну из главных предпосылок эффективного сочетания интересов и реализации на данной основе исторической программы коренного преобразования всех сторон общественной жизни. Он указывал, что коммуна, приучая крестьян к управлению делами общества, становится школой развития их активности, политических и духовных интересов, «настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян» [2, т. 39, с. 382].

Важнейшее условие демократизации общественной жизни — обеспечение условий для равного участия трудящихся в управлении общественными делами. Гарантией тому служит гласность — открытое, доступное для граждан ведение общественных дел, информированность трудящихся о всех затрагивающих их интересы проблемах общественного развития. Данные социологического исследования, проведенного в 1987 г. в колхозах и совхозах 8 районов Харьковской области, свидетельствуют, что среди опрошенных 30 % колхозников и 27 % рабочих совхозов в качестве причины пассивности в ходе собраний, в общественной жизни коллектива назвали незнание ими положения дел в хозяйстве. Отсутствие надлежащей информации о результатах производственной и финансовой деятельности колхоза лишает участников собрания вид надлежащей информации о результатах производственной снижает эффективность управленческой функции самого собрания.

Неотъемлемым условием демократизации управления в сельском хозяйстве, необходимым элементом механизма изучения и реализации экономических интересов работников АПК, в том числе и колхозного крестьянства, является отношение руководства к их запросам.

Оценивая учет интересов администрацией, респонденты отметили, что 18,7 % предложений, начинаний, инициатив крестьян, направленных на улучшение положения дел в хозяйстве, остались незамеченными; 50,9 % — получили частичную поддержку; 18 % — поддерживались всегда. Мало чем отличаются от приведенных данные учета интересов профсоюзными организациями (соответственно они составили 18,9 %; 47,7 %; 21,2 %). Выше оценивают крестьяне учет их предложений партийными органами. Постоянно учитываемые инициативы составляют 47,1 % (более чем

в два раза выше по сравнению с данными их учета администрацией и профсоюзами), а не учитываемые — несколько ниже (14,1 %), частично учитываемые предложения — 31,1 %.

Из сказанного вытекают по крайней мере два вывода: 1) на практике еще не полностью используется интерес как важный источник ускорения социально-экономического развития общества; 2) численность участвующих в управлении еще не свидетельствует об их возможности воздействовать на реализацию интересов. Важным здесь является степень влияния на управленческие решения и их содержание. Именно данный фактор формирует чувство хозяина производства, вселяет уверенность в причастности к удовлетворению общественных интересов.

Отступление от демократических устоев колхозного строя, неумение или нежелание руководителей использовать инициативу масс, ограничение возможности активно влиять на принятие и осуществление решений по вопросам, затрагивающим жизненные интересы крестьян, и привели к их пассивности.

Главная же причина равнодушия крестьян к участию в производственных делах хозяйства, на наш взгляд, состоит в ослаблении зависимости удовлетворения личных экономических интересов от общественных. Гарантированный минимум оплаты труда, иногда обеспечиваемый не колхозными деньгами, а взятыми в долг у государства, создал обстановку самоуспокоенности и благодушия, позволил работать вполсилы, ибо вознаграждался сам факт членства в колхозе. Постоянно совмещать реализацию общественных и личных интересов должен гибкий хозяйственный механизм. Действующий же до последнего времени хозяйственный механизм дал ощутимый сбой. Самый оптимальный регулятор — оплата по труду — утратил свою действенность. Нарушение в распределительной политике принципа соизмерения того, что человек дает обществу, и того, что он получает от него * гипертрофировало обязанность крестьянина-труженика организовывать работу на своем месте и быть при этом ответственным за нее. Полагаем, что принятие п. 28 Примерного Устава колхоза («Колхоз устанавливает за работу в общественном производстве оплату труда членов колхоза, уровень которой зависит от конечных результатов хозяйствования. Гарантия оплаты труда члена колхоза обеспечивается расширенным воспроизводством, получением запланированного чистого дохода, добросовестным выполнением трудовых обязанностей» [7, 1988, 10 янв.]) будет содействовать обеспечению реализации классовых экономических интересов крестьянства путем приведения в соответствие последним товарно-денежных и распределительных отношений.

Важным аспектом непосредственного участия трудящихся в управлении является, подчеркивал В. И. Ленин, создание такого положения, чтобы каждый «сознательный рабочий чувствовал себя

* В 70-е гг. на каждый процент прироста производительности труда в общественном производстве колхозов приходилось 2,3 % прироста оплаты труда [7, 1981, № 2, с. 15].

не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность» [2, т. 36, с. 369—370]. Именно поэтому он требовал «строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны — дискуссии, митингования, с другой стороны — установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы» [2, т. 36, с. 156].

Широкое внедрение коллективного подряда на основе хозрасчета наполняет отношения собственности конкретным содержанием, соединяет интересы общества, трудового коллектива, каждого работника. Обеспечивая развитие инициативы и самостоятельности первичных производственных звеньев при одновременном повышении их ответственности за конечные результаты хозяйственной деятельности, хозрасчет заставляет каждого оценивать свой труд с точки зрения общенародных интересов, формирует чувство подлинного хозяина производства. В. И. Ленин рассматривал хозрасчет как имманентный социализму способ согласования экономических интересов общества: «Если мы, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками» [2, т. 54, с. 151].

Совершенствование механизма реализации интересов крестьянства предполагает оптимальное использование непосредственного участия тружеников села в управлении. Участвующие в управлении полнее проявляют себя как хозяева производства. Сравнительный анализ данных проводимого авторами в 1987 г. социологического исследования показал, что крестьяне, постоянно перевыполняющие производственные задания и в организационных (1—3) и в функциональных (4—8) формах управления (таблица), полнее

Форма управления производством	Участие крестьян в управлении производством, %	
	Постоянно перевыполняющие план	Не всегда выполняющие план
1. Активное участие в работе производственных собраний	27,9	17,6
2. Распределение премий и других форм материального поощрения	20,9	13,6
3. Общественный контроль	46,5	28,0
4. Работа по укреплению дисциплины труда	39,5	23,2
5. Шефская помощь отстающим работникам	32,6	20,8
6. Наставничество	30,2	19,2
7. Работа по экономии материалов и бережливое отношение к общественной собственности	46,5	22,4
8. Внесение творческих предложений, инициатив, направленных на повышение эффективности общественного производства	18,6	8,0

проявляют свои сущностные потенции, чем крестьяне, не всегда выполняющие производственный план.

Непосредственная управленческая деятельность крестьянства направлена на реализацию классовых экономических интересов собственно личностью-субъектом управленческих отношений, трудовым коллективом в целом. Такая деятельность выражается в управлении производственными, экономическими, социальными процессами конкретными совладельцами средств производства, а также уполномоченными лицами, избираемыми ими. Децентрализация управления реализацией классовых экономических интересов крестьянства собственно колхозами обусловлена сохранением за ними права юридического лица. Реализуя его, колхозы выступают как самоуправляемые образования кооперативно-колхозной формы организации производства. «Экономической основой самоуправления выступает общность собственности на средства производства, общность труда совладельцев, хозяев средств производства, общность присвоения результатов труда» [5, с. 44]. Однако планомерная реализация классовых экономических интересов крестьянства во всем комплексе системы интересов предполагает централизм в управлении. Таким образом, управление реализацией данных интересов представляет собой единство двух начал — развития местного почина, самостоятельности, инициативы трудящихся и укрепления общенародной власти, которая предполагает подчинение интересов всех субъектов интересам общества. Указанные начала одновременно и ограничивают, и усиливают друг друга [2, т. 36, с. 7, 158; т. 43, с. 235].

Непосредственному управлению крестьянством реализацией своих интересов должна быть отведена ведущая роль. Ф. Энгельс подчеркивал, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства [1, т. 18, с. 304—305]. Опосредованное участие в управлении (представительная демократия) оправдано лишь в тех случаях, когда функции управления не могут быть реализованы трудящимися с точки зрения соответствия общенародным интересам.

Соблюдение принципа пропорционального представительства всех слоев общества во всех органах власти, в общественных организациях и в самой партии не является панацеей от неадекватного отражения интересов в управлении. И отдельные лица, и партии могут заблуждаться [2, т. 14, с. 190; т. 41, с. 47]. Управление реализацией интересов, основанное на представительной форме их выражения, будет наиболее соответствовать содержанию интересов в том случае, если оно строится на демократических началах. Фактически речь идет о защите интересов, которая должна обеспечиваться предоставлением реальной возможности влиять на их реализацию во всей совокупности составляющих процессов и на любом уровне. Необходимость защиты интересов обусловлена тем, что субъекты и органы, призванные представлять и защищать интересы, могут обособляться, приобретать самодовлеющее значение.

В условиях углубления социалистической демократии партия ставит задачу привести в соответствие все инструменты, дающие каждому гражданину реальную возможность активно влиять на выработку управленческих решений, проверять их выполнение, получать необходимую информацию о деятельности аппарата [3, с. 57].

Перестройка управления процессом реализации классовых экономических интересов колхозного крестьянства предполагает, в частности, совершенствование информации о данных интересах, поскольку задача научного управления состоит в максимально точном воспроизведении в субъекте объекта управления. В данной связи настоятельно требует своего улучшения осведомительная информация (от объекта к субъекту управления). Длительное время она носила дробленный характер, продиктованный спецификой колхозно-кооперативного производства. Каждое отдельное хозяйство устанавливало связи с государством. Такой порядок умножал число инстанций, через которые проходил поток бумаг, увеличивал срок решения вопросов, не давал целостного представления об истинных нуждах колхозно-кооперативного сектора. Сдерживалось развитие внутриотраслевых и межотраслевых связей, что тормозило развитие колхозно-кооперативного сектора. Зачастую близлежащие хозяйства решали одни и те же вопросы самостоятельно, идя непроторенным путем. В современных условиях большинства каналов экономических связей колхозов с государством проходит на интегрированной основе через советы колхозов различного ранга и советы РАПО, где колхозно-кооперативный сектор становится укрупненным структурообразующим звеном управления.

Делегированные в указанные советы посланцы колхозов представляют интересы колхозного крестьянства*. В состав совета РАПО входят и другие руководители всех звеньев АПК района. Проще стали решаться вопросы установления оптимальных связей между поставщиками и потребителями, хозяйства которых находятся в ведении РАПО. Расширились права и возросла ответственность местных территориальных органов управления за их реализацию. В компетенцию этих органов входит решение вопросов экономически обоснованной специализации и концентрации производства, развития межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, направленных на эффективное использование материальных, финансовых и трудовых ресурсов, предотвращение потерь и обеспечение сохранности сельскохозяйственной продукции от производства до реализации. Советы РАПО получили право распоряжаться значительной частью выделяемых району ресурсов.

В настоящее время происходит процесс развития демократического централизма в организации управления производственной деятельностью территориально-межотраслевых формирований

* Однако на практике нередки случаи, когда советы колхозов, руководимые длительное время работниками государственного аппарата, утратили независимость и тем самым подорвали свой престиж как представительные органы, выражающие интересы колхозов и колхозного крестьянства.

и колхозно-кооперативного сектора. Хозяйственная самостоятельность и планомерно организованные связи между партнерами в масштабах РАПО создали колхозам благоприятные условия для дальнейшего развития самоуправления.

Совершенствование демократических основ управления колхозами, как и АПК в целом, повышение трудовой и общественной активности, дисциплинированности и ответственности колхозников обусловлены целым комплексом объективных и субъективных факторов. Однако следует помнить, что действуют они не автоматически. Нужен эффективный механизм, обеспечивающий соблюдение демократических принципов колхозной жизни, развитие демократических начал в управлении реализацией классовых экономических интересов крестьянства. При этом необходимо учитывать, что демократия и экономика при социализме оказывают друг на друга глубокое воздействие. Ни в коем случае нельзя отрывать экономические механизмы от развития социалистической демократии. Преобразования не только в сфере экономической, но и социально-политической принесут успех политике перестройки [6, 1987, 19 нояб.].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. 5. Суслов И. Ф. Хозяйственный механизм и особенности его совершенствования в аграрном секторе // Известия АН СССР. Сер. Экономика. 1982. № 1. 6. Правда. 7. Социалистический труд.

Поступила в редколлегию 27.07.88

Н. С. ГОРБАЧЕВ, И. Д. ДЕНИСЕНКО, А. П. ЛАНТУХ,
канд. филос. наук

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДОГО ИНЖЕНЕРА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Данная проблема, если рассматривать ее изолированно, казалось бы, имеет ограниченное теоретическое обществоведческое и практическое значение. Однако взятая в контексте современного этапа революционного обновления общества — комплексного целостного развития социально-творческого потенциала всех и каждого человека в отдельности — она приобретает вполне определенную весомость. Необходимость исследования указанной проблемы объясняется и тем, что практически она остается вне поля зрения обществоведов.

Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни (курсив наш. — Авт.). Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их

достижении [3, с. 140]. В актуализированной всем ходом ускорения постановке проблемы нет периферийных зон в развитии социальной деятельности личности. Думается, неправомерно и какое-либо деление активности на основные и второстепенные виды. Современный человек, всем ходом объективного развития повернутый к открытому творчеству, к умению самостоятельно принимать ответственные решения в ускоренно сменяющихся ситуациях, не может довольствоваться ролью статиста в любом общественном, в том числе воспитательном процессе, развивающемся на различных уровнях функционирования общества.

И не случайно поэтому социализм решает сегодня задачу: «Открыть максимальный простор процессам саморегулирования и самоуправления общества, создать условия для полного развития инициативы граждан, представительных органов власти, партийных и общественных организаций, трудовых коллективов» [4, с. 38].

Изучение реальных жизненных процессов в трудовых коллективах показывает, что становление и углубление самоуправленческих начал встречаются на своем пути довольно ощутимые препятствия и трудности. Одни из них могут быть объяснены в контексте общей «перестроечной» тенденции (как неизбежное столкновение новаторского и консервативного, шаблонного), другие — носят специфический характер в различных коллективах. Чаще всего они проистекают из нетворческого понимания полномочными органами многих трудовых коллективов системной сущности социалистического самоуправления и всеобщего характера его воплощения. Как следствие, на практике сфера действия самоуправления необоснованно ограничивается: наиболее часто она распространяется на отдельные стороны производственной жизни (организация соревнования, выработка механизма стимулирования и оценки результатов трудовой деятельности и т. д.), реже — на общественно-организаторскую (выборы руководящего состава, общественно-политические инициативы и т. д.) и крайне редко — на воспитательную и информационную сферы совместного труда. Целостный процесс возвышения совокупной общественной отдачи личности искусственно «расщепляется», игнорируется тот факт, что демократическая природа самоуправления несовместима с элементами сугубо директивного регулирования жизни коллектива.

При развитии самоуправленческих начал в воспитательной практике, на наш взгляд, следует исходить из того, что историческая правомерность формулы «воспитание активности» (где активность выступает как основной показатель и результат формирующего воздействия) станет еще более полновесной, если будет дополнена механизмами «воспитание активностью». Таким образом будет открыт простор для осуществления социальной активности в сфере воспитания, ускорится процесс трансформации личности из объекта в субъект воздействия и все более массовой будет предвиденная основоположниками научного коммунизма ситуация, когда индивиды будут и физически и духовно «творить друг друга» [1, т. 3, с. 36].

Рассматриваемая проблема имеет еще одно важное общественное измерение. Суть его в том, что динамично осуществляемый переход нашего общества в качественно новое состояние расширенно воспроизводит столь же качественно новый климат социальной жизни — труда, досуга, общения людей. Возрастает значимость уже не отдельных, а системных, совокупных форм коллективного стимулирования активности, все более весомой становится роль тех механизмов, которые позволяют индивидуально-тонко формировать и развивать таланты и способности. Направленный воспитательный процесс, имманентно присущий жизнедеятельности социалистической трудовой ассоциации, призван реализовывать все более емкие функции. Указанный процесс не должен превратиться в некий стереотип, схематичный, однонаправленный канал движения информации от субъекта к объекту. Он призван стать развращенной сферой общения, совместного искания истины, социалистического соперничества, соревнования в деле освоения духовных ценностей и осмысления действительности.

Воспитание активности — не линейно-одномерный акт усиленной деятельности. Было бы упрощением сводить воспитание активности только к определенным просветительным или информационным действиям. На наш взгляд, воспитательная активность — это духовно-психологическое состояние личности (или иного социального субъекта), основное содержание и социальные функции которого заключаются в стабильной и многоплановой духовно-идеологической мобилизации личности, в ее добровольно осознанном, мотивированном стремлении действительно влиять на весь цикл — нормативных, нетрадиционных, ситуационно-возникающих воспитательных звеньев (планирование, обратная связь субъекта и объекта, формирование проблемно-тематической структуры, организационное воплощение идеологических мероприятий, выбор места, времени и целесообразных форм влияния на личность, характер подбора идеологического актива и т. д.) в рамках трудового коллектива, общества в целом. В данной активности аккумулируется инициативная, творческая деятельность социального субъекта, посредством которой он (будь это личность, группа, коллектив и т. д.) осуществляет и стимулирует возвышение зрелости своего идейно-нравственного потенциала и совокупной мировоззренческой культуры других структур общества.

Молодой инженер — заметная фигура в воспитательной практике трудового коллектива. Достаточно сказать, что более 50 % специалистов, занятых в народном хозяйстве, получили дипломы об окончании вузов и техникумов за последние десятилетия, т. е. это работники в возрасте до 35 лет [5, с. 123]. Однако вклад научно-инженерной молодежи в реализацию сформулированной В. И. Лениным всеобщей функции интеллигенции — двигать культуру [2, т. 38, с. 167] еще недостаточен. В стационарных воспитательных структурах трудовых коллективов (система партийно-политической и экономической учебы, политическая информация и агитация и т. д.) участие в воспитательной работе принимает

лишь незначительный процент молодых специалистов. Слова М. С. Горбачева о том, что в решении всего комплекса задач революционного обновления социализма «партия рассчитывает на активную гражданскую и социальную позицию нашей интеллигенции» [6, 1987, 3 нояб.], следует расценивать как заказ-требование и к молодым ученым, инженерам, исследователям, проектировщикам и заводским конструкторам.

Некоторые показатели сформированности воспитательного потенциала научно-инженерной молодежи, отражающие специфику их ориентаций и прогнозов на реальность осуществления такой духовной и организационной деятельности, были получены авторами в результате нескольких последовательных и параллельных (одновременно по различным программам) замеров общественного мнения. В 1984 г. были изучены установки 1169 молодых специалистов Харькова на участие в общественно-политической деятельности; в 1985 — 1987 гг. проведены 3 параллельных исследования в Харькове и Белгороде по изучению путей повышения эффективности комплексной деятельности научно-технической интеллигенции в условиях ускорения социально-экономического развития (суммарная выборка — около 1700 чел.). Отдельные результаты применительно к анализируемой проблеме положены в эмпирическую основу данной статьи.

Исследование в определенной степени выявило интенсивность активностного состояния молодежи, которое можно расценить как «радость отдачи знаний». По 22 конкретным сферам общественно-производственной, организаторской и культурно-воспитательной работы были сопоставлены две позиции молодых ученых и инженеров: «участвую в общественной жизни» и «хотел бы участвовать». В 10 из 22 позиций удельный вес реально участвующих превышает процент желающих активно работать в данной сфере; по 11 позициям наблюдается обратная тенденция. По циклу воспитательных сфер картина следующая: 9,9 % молодых специалистов реально участвуют в культурно-массовой работе в коллективе (хотели бы участвовать 11,6 %); 42,9 % ведут культурно-массовую работу за пределами инженерного коллектива (хотели бы — 4 %); 7,6 % участвуют в воспитательно-просветительских мероприятиях в своем коллективе и 10,9 % — за его пределами (указанные поручения хотели бы выполнять соответственно 2,3 % и 3,3 %). Таким образом, налицо ощутимая диспропорция между реальным духовно-идеологическим потенциалом молодежи (равно как и ожиданиями общества к его реализации), с одной стороны, и субъектной нацеленностью, готовностью молодых представителей научно-технической интеллигенции к духовно-воспитательной отдаче — с другой.

В то же время исследование показало, что было бы упрощением трактовать столь емкий разрыв однозначно. Во многом он обусловлен тем, что в воспитательной практике трудовых коллективов заметно ощущались заорганизованность, шаблонность рутинных, малоподвижных схем. В условиях новой идеологической ситуации,

характеризующейся динамичностью, творческой гибкостью практикующихся производственных и организационных линий в организации труда, соревнования, стимулирования инженерной деятельности, всем тем, что определяется линиями на возвышение его социального престижа, налицо новые параметры и резервы активности молодежи. Молодые работники научно-исследовательских, проектных институтов, заводских конструкторских и технологических служб (47,2 %) полагают, что молодежи следует доверять не только отдельные промежуточные звенья профессиональной и общественной деятельности, но и целые участки, весь заверченный цикл тех или иных мероприятий, т. е. воспитывать ответственность за конечные результаты. По мнению каждого шестого молодого работника, целесообразно более последовательно внедрять самоуправленческие начала в организации производственной и общественной работы с тем, чтобы каждый член коллектива мог реально влиять на общие дела; 38,9 % респондентов подчеркивают важность индивидуального подхода к возможностям, склонностям и ориентациям молодых инженеров при определении им перспективных задач профессиональной деятельности и выборе общественных поручений; 8,6 % предлагают преодолеть искусственное разобщение профессиональной и непрофессиональной (общественной) активности. В общественной работе должны принимать участие все без исключения члены коллектива. На этой массовой основе необходимо учредить документ (типа паспорта общественно-политической отдачи), который должен стать определяющим при аттестации молодежи. Вклад инженера в общее дело и стимулирование его должностного роста следует измерять на основании коэффициента комплексной творческой отдачи (ККТО); напротив, вознаграждают 17,5 % молодых специалистов, подключать к общественной работе поголовно всех членов коллектива неправомерно. Общественную работу должны вести специально подготовленные люди, имеющие склонность и способности к тому или иному участку организационной и воспитательной работы. Их следует учить, а затем избирать на должность (лектора, политинформатора, пропагандиста и т. д.) на гласной конкурсной основе и на определенный срок (3—5 лет). Тех, кто завоевал право быть идеологическим работником, воспитателем, — стимулировать и поддерживать. Почти каждый пятый утверждает, что важно воздействовать на молодежь примером многосторонней комплексной творческой отдачи, который должны показывать руководители коллектива и общественных организаций. Естественно, что подобное многоаспектное (пусть даже в чем-то противоречивое) видение молодежью реалий и перспектив формирования комплексной активности не может не сказаться на духовно-психологической обстановке и даже конструкциях воспитательной практики. Молодые люди являются сторонниками обновления «технологии» воспитания. По мнению 28,7 % опрошенных, следует расширить информационную сторону изложения материала: давать больше комментариев, обобщающих выводов и оценок актуальных событий; 16,8 % считают необходимым усилить мировоззренческую направленность мероприятий,

раскрывая закономерности общественного развития посредством анализа текущих процессов и явлений; 18,5 % указывают на необходимость повышения воспитательной роли лекций и информационных, органичную взаимосвязь современных социальных процессов с жизнью и задачами конкретного коллектива; каждый шестой предлагает усилить мобилизующую функцию идеологии: регулярно освещать актуальные вопросы трудовой и общественной жизни коллектива, нерешенные проблемы, ход социалистического соревнования, перспективные задачи коллектива; по мнению 22,5 % молодежи, идейно-воспитательным мероприятиям следует придать такую направленность, чтобы каждое из них стало сферой повышения активности членов коллектива — дискуссионной, познавательной и т. д., т. е. организовать своеобразный клуб, где проводились бы коллективные (на равных), но под руководством опытных идеологических работников обсуждения проблем, интересующих всех членов коллектива; 13,2 % считают целесообразным усилить влияние членов коллектива, т. е. рядовых слушателей, на формирование всех структурных компонентов лекций и бесед: тематики, форм организации, времени проведения, на постоянное изучение общественного мнения коллектива и его реализацию.

Климат дискуссий, активного обмена мнениями, настрой на индивидуальное и полное самовыражение, постоянно воспроизводимые перестройкой производственной жизни коллективов, требуют выхода и в воспитательную практику. Изучение духовных ориентаций работников НИИ и проектных институтов показало, что большинство (75—80 %) ученых и инженеров в лекциях и беседах видят прежде всего источник первичной информации, 60—75 % заинтересованы в рассмотрении систематизированного анализа сложных процессов. Уже стабилизировался и ширится контингент тех членов научно-инженерных коллективов, которые желают не только получать информацию, но и видеть себя в информационном процессе. По нашим данным, уже не менее 25—33 % инженеров хотели бы в ожидаемом обмене мнениями по поводу событий, излагаемых лектором и политинформатором, проверить свою дискуссионную зрелость, научиться отстаивать свою позицию и в перспективе вести воспитательную работу. Нельзя игнорировать и тот факт, что почти 50 % опрошенных инженеров видят во всех формах политического информирования не только каналы движения политических знаний, но и весомые средства духовного общения членов коллектива. Однако реализуют эти цели пока еще немногие.

Изучение опыта работы пропагандистского актива в инженерных коллективах показывает, что многие лекторы еще односторонне трактуют тезис XXVII съезда КПСС об индивидуализации воспитания, сводя его к воздействию «один на один». В то же время не учитывается, что индивидуально сориентированной может быть работа и в массовой аудитории: следует лишь внимательно изучать интересы и своевременно реагировать на запросы слушателей. В этой связи молодые инженеры, к примеру, выдвигают ряд, на

наш взгляд, конструктивных предложений, способных реально воздействовать на весь «технологический» процесс политического образования и воспитания. В частности, они предлагают: 1) создать общественную трибуну слушателя, где бы концентрировались мнения и запросы членов коллектива по вопросам проведения воспитательной работы (6 %); 2) многие (27,4 %) считают целесообразным, чтобы организаторы идеологической работы периодически выносили на рассмотрение коллектива перечень потенциально планируемых тем лекций и бесед. В таком случае члены коллектива смогут выбирать те темы, которые наиболее их интересуют*; 3) 1/5 опрошенных рекомендуют внедрить систему конкурсного отбора идеологических работников, более того, считают целесообразным (хотя бы в порядке эксперимента) предоставить слушателям право самим выбирать лекторов и политинформаторов для проведения лекций и бесед; 4) 22,4 % видят смысл в проведении воспитательно-информационных мероприятий в форме пресс-конференции: главным здесь является нерегламентируемая возможность задавать вопросы идеологическому работнику; 5) 12,5 % советуют создать постоянно действующую сеть консультативных пунктов с тем, чтобы любой член коллектива в отведенное ему время смог выяснить интересующие его проблемы; 6) 20,1 % респондентов считают необходимым регулярное проведение конкретно-социологических исследований по изучению запросов и интересов членов коллектива, оценки ими состояния воспитательной работы, их готовности принимать в ней участие в качестве субъекта и объекта; 7) 22,8 % утверждают, что аудитория слушателей должна получить право самой избирать лекторов и политинформаторов. Вносятся предложения учредить систему контролируемого самообразования: каждый инженер получает определенные идеологические задания на перспективу, а затем аттестуется (экзаменируется) полномочными органами коллектива с целью выяснения его идейно-теоретического роста (данный вариант поддерживает пока еще небольшой процент молодежи — 2—3 %).

Представляется, что изложенное позволяет сделать вывод о сложившейся по существу новой и в организационном, и ценностном, и проблемно-содержательном плане идеологической ситуации. Ее элементы еще срабатывают не в полную силу и не всегда реализуются на практике. Но интенсивность духовных ориентаций на указанные (и, естественно, другие) элементы, раскрепощающие соревновательно-конкурсный потенциал молодежи и позволяющие ей по-хозяйски заинтересованно относиться к самовоспитанию других, столь очевидна, что уже сейчас следует искать, апробировать и внедрять новые информационные и воспитательные решения. Одновременно потребность в новом детерминирована потребностью идеологического обеспечения решения новаторских задач перестройки, необходимостью приведения в соответствие с практикой воспитания неизбежно возникающих новых произ-

* В данном случае можно воспользоваться методом экспресс-опроса или анкетирования.

водственных и организационных структур. Примером могут служить временные (сроком до 3 лет) творческие молодежные коллективы (ВМТК) в составе научно-инженерных коллективов, которые уже могут охватывать до 1/3 сотрудников. В харьковском НИИ «Гипрококс» существуют два таких объединения. В одно из них входят 70 молодых проектировщиков из различных отделов. За короткий срок коллектив выполнил значительный объем проектно-исследовательских работ [7, 1987, 28 окт.]. Естественно, что и внутренние процессы здесь протекают несколько по-иному, чем в стационарных стабильных трудовых ассоциациях: меньше иерархических структур, формализма, авторитет формируется не опытом и не должностью, а реальным творческим вкладом, высокие показатели производственной деятельности, интенсивные профессиональные контакты, обмен информацией. В такие условия коллективной жизнедеятельности трудно вписать старые воспитательные схемы. Соответственно и совершенствование духовно-воспитательного процесса в этих структурах должно происходить через адекватные — гибкие, подвижные и в то же время коллективно-емкие, сплавляющие механизмы.

Думается, что одним из практических вариантов организации воспитательной работы здесь должно стать введение должности «комиссар ВМТК». Определенный эффект может дать и вариант, когда каждый член коллектива по очереди (в силу индивидуальных наклонностей и интереса) будет проводить информационно-пропагандистские мероприятия. Очевидно, что следует более четко и последовательно выдерживать (измерять, оценивать, стимулировать) организационную связь между развитием *всех* видов активности молодежи, обеспечивая по существу адекватное природе социализма многостороннее (не одностороннее, но еще и не всестороннее) развитие личности.

Инженерный коллектив, в том числе и его молодежный сектор, — в целом аудитория, остро нацеленная на овладение информацией, на достаточно высокий уровень духовных ценностей и в то же время болезненно воспринимающая и чувствующая любого рода шаблон, рутину, формализм. Безусловно, не все из выявленных авторами суждений и предложений молодых инженеров конструктивны. Но благотворный климат перестройки диктует необходимость заинтересованно, с пониманием относиться к честным, искренним (пусть даже несколько утопическим и непривычным), нестандартным предложениям. Важно видеть диалектику пробуждения интереса к различным сферам жизни и оценивать их, как учит партия, не по принципу «или — или», но как «и — и» [6, 1987, 4 дек.].

В развитии воспитательной активности инженера в расширенном воспроизводстве всего того, что усилием внутреннего напряжения и инициативы повышает зрелость духовности личности и ее окружения, отчетливо проявляется значимость генетического принципа бытия интеллигенции, ее социальной природы. «Кто больше отдает, тот больше должен». Воспитательную активность как не-

кую схему, как прогнозируемую конструкцию сформулировать трудно, да и попросту невозможно, если не будет создана ординарная, повседневно обыденная (и в данном своем качестве принципиально противостоящая надуманной искусственности) зримая система, позволяющая буквально каждому интеллектуально развитому человеку поделиться своими идеями, опытом, надеждами и сомнениями. Если такая обстановка и потребность коллектива и общества в целом будут обеспечены, возрастет и активность «на входе» — усилится информационная, просветительская, самообразовательная деятельность специалиста, ритм и направленность его жизненной позиции обретут интенсивность и созвучность целям общества. Перестройка подтвердила ленинское положение об обостренной социальной чуткости интеллигенции: «Она горячо отзывалась на призыв партии в полной мере поставить на службу перестройке интеллектуальный, духовный потенциал общества» [4, с. 4].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., 1988. 5. Политическое самообразование. 1985. № 7. 6. Правда. 7. Вечірній Харків: Орган Харківського міського комітету Компартії України і міської Ради народних депутатів.

Поступила в редколлегию 22.02.88

А. И. СОТНИК

СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

Экономической основой, на которой складываются такие отношения людей в обществе, как равенство и неравенство, является собственность на средства производства. Однако тот факт, что отношения собственности обуславливают социальное равенство или неравенство, не объясняет, каким именно образом происходит движение от социального неравенства к социальному равенству и далее — от неполного социального равенства к более полному. Наиболее точно данный процесс можно отразить с учетом следующего: 1) собственность — постоянно развивающееся отношение; 2) собственность — сложная категория, имеющая свою внутреннюю структуру.

Внутренняя структура собственности включает: пользование, распоряжение, владение, отчуждение и присвоение. Эта структура выражает совокупность элементов собственности, свойственную любой исторически определенной форме собственности. В подобном виде она является «фундаментальной структурой в отличие от актуальной, которая характеризует соотношение элементов в данной конкретно-исторической форме собственности» [5, с. 19].

Сказанное означает, что каждой исторически определенной форме собственности соответствует один определенный элемент структуры, выражающий господствующее отношение в рамках структуры отношений собственности. Таковым в первобытном обществе является пользование, в рабовладельческом — распоряжение, в феодальном — владение, в капиталистическом — отчуждение, при коммунизме — присвоение. В данном виде актуальная структура собственности соответствует формационному членению общественно-исторического развития. Каждый из ее элементов в качестве господствующего характеризует формационное развитие общества. Однако для адекватного отражения диалектики социального равенства и неравенства необходимо использовать как пяти-, так и трех-ступенчатые членения исторического процесса.

Первая форма проявления собственно человеческой жизни — община. Производитель существует как член семьи, племени, рода и т. д. и «в качестве такового члена он относится к определенным природным условиям (здесь можно пока сказать: к земле) как к своему собственному неорганическому существованию, как к условию своего производства и воспроизводства» [1, т. 46, ч. I, с. 478]. Поэтому «находимая трудом *природа*» [1, т. 46, ч. I, с. 473], а не продукт труда, выступает объективным условием последнего, т. е. человек в этом своем качестве предстает как пользователь, причем пользу он извлекает не из предмета труда, а из вещества природы. «...Присвоение природного условия труда... происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки» [1, т. 46, ч. I, с. 473]. Данное отношение индивида к природным условиям труда, прежде всего к земле, опосредовано существованием его как члена общины. Присвоение природного условия труда — лишь момент пользования человека этими условиями. «Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном, реальном отношении к этим условиям; это есть действительное *использование* (курсив наш. — А. С.) их человеком как условий своей субъективной деятельности» [1, т. 46, ч. I, с. 483]. В то же время, чтобы привести в движение свои органы, человек должен оказать на них воздействие посредством воли. Но в таком случае он является распорядителем своей рабочей силы. В своем единстве как пользователя и распорядителя человек есть владелец природных условий. В связи с тем, что опредмечивание и распределмечивание не может быть закреплено за различными людьми (человек находит всего лишь столько средств существования, сколько едва хватает ему для поддержания биологической жизни), отчуждение непосредственно совпадает с присвоением. Следовательно, сказанное об отдельном индивиде правомерно и по отношению к общине в целом. Человек сам является собственностью общины в известном смысле [1, т. 46, ч. I, с. 485]. Пользование, таким образом, можно представить и как отношение человека к вещи, и как отношение к вещи всей общины опосредованное отношением человека к вещи.

Итак, пользование содержит в снятом виде все остальные элементы внутренней структуры собственности. Поэтому отношение

пользования выражают также отношения присвоения предмета (природы), которым пользуется человек. Это такое присвоение, где отчуждение существует как момент, который не может обособиться в качестве самостоятельного акта, ибо само присвоение есть присвоение продукта, из которого извлекается польза самим производителем, т. е. пользование. Дальнейшее развитие первобытной общины приводит к обособлению отдельных трудовых функций, и внутри общины развивается обмен результатами различных видов деятельности. Соответственно происходит реальное выделение элементов внутренней структуры собственности. Так, обмен продуктами труда предполагает, в частности, выделение отчуждения и присвоения как относительно самостоятельных актов, поскольку опредмечивание и распределмечивание закрепляются за отдельными людьми. Здесь отчуждение одного продукта означает присвоение другого. Низкий уровень развития производительных сил первобытной общины не позволяет осуществить присвоение продукта чужого труда, не произведя отчуждения собственного продукта труда. Данный обмен происходит внутри общины и посредством общины и, следовательно, носит подчиненный характер по отношению к пользованию. Происходит лишь изменение в том плане, что человек все в большей мере начинает пользоваться продуктами труда других людей.

Из приведенного краткого анализа первобытного общества следует, что отношения собственности проявляются через элемент внутренней структуры, через отношение пользования. Присвоение выступает здесь как присвоение в пользовании, которое обуславливает равенство членов общины, ибо всякое неравенство в пользовании природными условиями жизни приводит к гибели индивида в связи с тем, что пользование есть лишь пользование природными условиями существования, необходимыми для поддержания (производства и воспроизводства) жизни индивида (общины). Однако такое равенство лишь с оговоркой можно назвать социальным ввиду низкого уровня развития самой социальной общины. В общине «индивид никогда не может выступать так резко обособленным, как он выступает в качестве просто свободного рабочего» [1, т. 46, ч. I, с. 473]. А без подобного обособления, без выделения человеком себя как отдельного, не слитого с общиной, невозможна прочная социальная связь.

Таким образом, первобытнообщинная собственность — условие равенства индивидов в общине. Примитивный, неразвитый характер собственности обуславливает отношения равенства индивидов в общине через равенство пользования природными условиями ее существования. Неразвитость отношений собственности проявляется через отношение пользования (т. е. отношение к вещи), что означает низкий уровень развития производства как общественно-го производства. Поэтому равенство на данной ступени развития общества — неразвитое с точки зрения своей социальной определенности.

Когда индивид начинает производить столько средств существования, что часть их становится избыточной по отношению к необходимой для воспроизводства жизни человека, возникают материальные условия для пользования самим человеком. С разложением первобытного общества отношения пользования человеком становятся основным отношением рабовладельческого. Пользование человеком, т. е. распоряжение, осуществляется с целью присвоения части производимого человеком продукта теми, кто распоряжается. Раб в процессе труда видоизменяет природу, извлекая из нее полезный эффект не для себя, а для рабовладельца. Таким образом, рабовладелец осуществляет пользование вещью посредством распоряжения рабом. Подобное пользование возможно в качестве отчуждения продукта труда у раба. Присвоение существует лишь как момент отчуждения, поскольку отчуждение продукта у раба опосредовано лишь присвоением части произведенного им продукта. Другая часть отчуждается рабовладельцем таким образом, что она вообще не опосредуется для раба никаким присвоением. Это и есть самая неразвитая форма неравенства. С одной стороны, неравенство настолько велико, что часть людей не признается обществом людьми, а лишь «говорящим орудием», а с другой — это неравенство между людьми и собственно не людьми, так как последние существуют в качестве неорганического условия производства (и в данном смысле находятся собственно за пределами общества). «...Здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и природным* условием своего собственного воспроизводства» [1. т. 46, ч. I, с. 478].

В условиях феодализма непосредственный производитель признан в качестве человека. Отношение крестьян к земле проявляется как самостоятельное отношение, существующее наряду с отношением распоряжения как отношением феодала к крестьянину. Господствующим отношением становится владение. Феодал является собственником основных средств производства (владеет ими), следовательно, отчуждение и присвоение — отношения по поводу результатов производства, а не средств производства. Причем присвоение результата (части продукта труда крестьянина) есть момент отчуждения, т. е. присвоение, существующее как отчуждение. Тем самым отчуждение во владение обуславливает неравенство более развитое, чем при рабовладении, поскольку представляет собой неравенство в большей мере социальное (оно уже выражает отношение между людьми). Между тем его еще нельзя назвать социальным в полной мере, ибо оно отражает связь индивидов в обществе, основанную на внеэкономическом принуждении производителя, на личной зависимости. И здесь, на наш взгляд, анализ развития общества по формационному признаку должен быть дополнен другим анализом — трехступенчатым членением исторического процесса. Во-первых, три рассмотренных формации входят в различные формации по критерию отношений собственности: первобытное общество — в первичную, основанную на

первобытнообщинной собственности; рабство и феодализм — во вторичную, основанную на частной собственности. Первичной формации соответствует равенство, вторичной — неравенство. Отношения равенства и неравенства обусловлены отношениями собственности (соответственно первобытнообщинной и частной). Во-вторых, все три формации по критерию формы экономической связи относятся к натуральному хозяйству, а исходя из характера зависимости между членами общества — к обществу, основанному на личной зависимости.

Сказанное означает, что социальная жизнь в данных обществах находится на низком уровне как зарождающаяся социальность. Если экономическая связь выражается натуральной формой хозяйствования, то развитие общественной жизни носит узкий, локальный характер. Здесь «производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах» [1, т. 46, ч. I, с. 101]. Далее, в связи с тем, что обмен имеет неразвитый характер, всеобщей взаимозависимости не возникает. А без подобной зависимости прочная социальная связь отсутствует. Личная зависимость является, собственно говоря, не социальной зависимостью или слабо развитой социальной зависимостью. Вывод: отношения равенства и неравенства с точки зрения своей социальной сущности в этих условиях могут проявляться в неразвитом виде.

Капиталистическая формация относится ко вторичной формации, причем частная собственность здесь представлена как наиболее развитая, «чистая» частная собственность. Поэтому и неравенство проявляется в своей наиболее развитой форме. В то же время капитализм есть товарное производство, основанное на вещной зависимости, что и отличает его от предыдущих формаций. Как товарное производство он делает обмен деятельностью и продуктами всеобщим («образуется система всеобщего общественно-го обмена веществ») [1, т. 46, ч. I, с. 101], и тогда с наибольшей силой проявляется зависимость производителей друг от друга. Чтобы превратить свой собственный продукт в жизненное средство для самого себя, индивид должен обменять его, превратить в форму меновой стоимости, с тем чтобы в данной форме приобрести общественное признание своего труда. Поэтому К. Маркс характеризует капитализм как эпоху «наиболее развитых общественных (с точки зрения всеобщих) отношений» [1, т. 46, ч. I, с. 18].

Таким образом, неравенство при капитализме выступает в своей развитой форме, обусловленной развитой формой частной собственности, и, с другой стороны, — как наиболее развитое социальное неравенство, обусловленное развитыми отношениями. Поэтому социальное неравенство при капитализме предстает в классически завершенной форме. Данный факт имеет важное методологическое значение, ибо исследование предмета в развитом виде создает более благоприятные условия для адекватного отражения его сущности в теории.

Определяющим общественным отношением является отношение к основным средствам производства. Если до капитализма основ-

ным средством производства была земля, то в условиях буржуазного общества — это продукт человеческого труда. Всякое движение продукта от производителя выступает как его отчуждение. Отчужденный труд выражает отношение к результату труда как к чуждому, не принадлежащему производителю. Однако отчуждение осуществляется и в самом процессе производства, и за его пределами. В процессе производства отчуждение проявляется в том, что рабочий отчуждает свою деятельность, которая выступает как нечто чуждое, не принадлежащее сущности индивида, а сам рабочий «в процессе труда принадлежит не себе, а другому». К. Маркс называет это самоотчуждением [1, т. 42, с. 90]. Далее, отчуждаемый труд «превращает для человека *родовую жизнь* в средство для поддержания индивидуальной жизни» [1, т. 42, с. 92]. И здесь труд, жизнедеятельность, производственная жизнь оказываются лишь средством для удовлетворения потребности в сохранении физической жизни, «сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*» [1, т. 42, с. 93].

Человек, опредмечивая свой труд, дает самому себе объективное существование в предмете своего труда. Продукт труда — объективное существование субъективной сущности человека. В условиях капиталистического производства опредмечивание представляет собой утрату продукта (распредмечивание закреплено за капиталистом), отчуждение. Поэтому продукт противостоит производителю как чуждый ему предмет. Таким образом, рабочий противостоит самому себе (своему объективному бытию) как чуждому, не равному себе. Рабочий в процессе труда удваивает себя «реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [1, т. 42, с. 94]. Но оказывается, что в процессе капиталистического производства продукт, деятельность не принадлежат рабочему, а сам рабочий не принадлежит самому себе, оказывается «оторванным от самого себя» [1, т. 42, с. 90]. Следовательно, в продукте труда материализуется труд не самого человека, а такого человека, который является оторванным от себя, чуждым самому себе. Но «то, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и к самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку...» [1, т. 42, с. 94]. Если продукт, деятельность рабочего не принадлежат ему и противостоят, как чуждая сила, то они принадлежат кому-либо другому, не рабочему. «Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях человека к другим людям» [1, т. 42, с. 95]. Таким образом, неравенство рабочего самому себе реализуется, выявляется в неравенстве его капиталисту.

В результате революционного отрицания частной собственности отношения отчуждения снимаются отношениями присвоения. При коммунизме все основные средства производства присвоены обществом. К. Маркс характеризовал «коммунизм как *положительное упразднение частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как *подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека*» [1, т. 42, с. 116].

Отношения присвоения становятся господствующими при коммунизме. Все другие отношения собственности складываются на основе отношений присвоения. В данном смысле правомерно говорить о том, что сущность общественной собственности выражается в присвоении средств производства всем обществом. Общество присваивает средства производства, т. е. их присваивает *каждый* член общества. В этом качестве все члены общества равны, и никаких различий между ними не существует. Если отношения собственности выразить через присвоение, то будет совершенно верным следующее утверждение: «Общественная собственность по своей *сущности* (курсив наш. — А. С.) выражает отношение социально-экономического равенства. В этой форме неравенство не заложено, так как все члены общества через ассоциацию являются собственниками условий производства и поэтому в социально-экономическом плане равны» [3, с. 30]. Однако приведенное положение носит, на наш взгляд, незавершенный характер: непонятно, почему социальное равенство является неполным, чем обусловлена (с точки зрения собственности) его неполнота. И здесь представляется необходимым дополнить анализ социального равенства рассмотрением других отношений собственности: пользования, распоряжения, владения, отчуждения.

Процесс социалистического производства протекает на несовершенной материально-технической базе, которая характеризуется тем, что в ней переплетаются три группы качественно разнородных средств труда: 1) машины-автоматы; 2) машины традиционного типа, требующие непосредственного участия человека в процессе труда; 3) ручные средства, обуславливающие применение тяжелого, малоквалифицированного труда. Поэтому для отношений пользования характерно, что отдельные индивиды (определенные социальные группы) оказываются в неравных условиях приложения труда, а также вытекающее отсюда их положение в обществе. В данном смысле действительно фактическое использование средств производства «заключает в себе существенные элементы фактического экономического неравенства» [4, с. 301]. Но отсюда может следовать лишь то, что отношения пользования обуславливают неполноту экономического, а следовательно, и социального равенства. Дело в том, что в условиях общественной собственности отношения пользования нельзя ограничивать отношением индивида (социальной группы) только к тем средствам производства, с которыми он соединен непосредственно. Отдельный член общества — собственник не только указанных средств производства (лучших или худших), но и *всех* средств производства (опосредованно, через общество) и присваивает их как член общества. Поэтому он (индивид) находится в отношении пользования ко всей совокупности (лучших и худших) средств производства. Сказанное наглядно проявляется в том, что совершенствование материально-технической базы — прерогатива общества в целом. Использование индивидом всей совокупности средств производства общества есть такое пользование, в результате которого

происходит развитие условий производства. В процессе труда создаются более совершенные средства производства. При использовании их в новом цикле осуществляется процесс выравнивания условий труда, в результате которого человек выходит за рамки непосредственно-материального производства, превращается из простого его агента во всесторонне развитую личность, осуществляющую трудовую деятельность как реализацию своих творческих потенций. Тем самым достигается полное равенство в отношениях пользования. Таким образом, неравенство в пользовании интегрировано в отношении его выравнивания и обуславливает его неполноту.

Итак, неравенство в пользовании оказывается интегрированным в отношении выравнивания (становления более полного равенства), пользования и обуславливает неполноту равенства в пользовании.

В условиях общественной собственности распоряжение выражает отношение общества как собственника к непосредственным производителям. При социализме субъект собственности совпадает с субъектом производства; непосредственный производитель одновременно является и собственником средств производства. Поэтому отношение распоряжения выражает отношение общества к самому себе. Индивид как собственник через общество распоряжается собой как производителем, другими членами общества — производителями, обществом в целом как ассоциацией производителей. С другой стороны, индивид (через общество), общество в целом как собственники распоряжаются индивидом как производителем. Таким образом, индивид распоряжается другими индивидами, обществом в целом, а следовательно, и самим собой как членом общества; другие индивиды, в свою очередь, распоряжаются им, обществом и самими собою как членами данного общества. Поэтому индивид относится к другим членам общества так же, как они относятся к нему, и в функции распоряжения они равны. Однако в условиях реального социализма отношение распоряжения включает в себя ряд опосредующих звеньев (например, общество — определенные организации, выполняющие функции распоряжения, — отдельные индивиды, выполняющие функции распоряжения). Таким образом, отношение распоряжения, представленное как отношение — собственник (общество) — производитель (общество), — выражает равенство всех членов общества, а отношения распоряжения, закрепленные в качестве функции отдельных лиц (групп), — отношения неполного равенства. Второе отношение есть внутреннее, подчиненное отношению первого. Но когда распорядительные функции административных органов гипертрофируются, может произойти и реально происходит деформация отношений равенства в распоряжении. Преодоление неравенства и становление полного равенства в распоряжении происходит через развитие социалистического самоуправления в коммунистическое.

Отношение владения как единство пользования и распоряжения выражает отношение равенства индивидов, обусловленное равенством пользования и равенством распоряжения, но равенства не полного, ибо существуют элементы неравенства в отношениях пользования и распоряжения. Развитие отношений пользования и распоряжения — процесс преодоления равенства индивидов в этих отношениях, процесс становления и более полного равенства во владении.

В условиях социализма происходит снятие отчуждения отношениями присвоения. Отчуждение обществом части продукта работников определенного коллектива есть одновременно присвоение ими данного продукта в качестве членов общества. Всякое движение продукта от производителя, т. е. отчуждение, осуществляется только как момент присвоения. Однако ввиду низкого уровня развития непосредственно-общественного характера труда и формы экономической связи, а также деформаций конкретно-исторического развития социализма, отчуждение может проявляться как не до конца снятое. В этом случае оно является источником социально-экономических различий и обуславливает неполноту социального равенства. Перестройка хозяйственного механизма, и прежде всего отношений распределения по труду, есть форма сознательного, планомерного осуществления снятия отчуждения присвоением.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Еремин А. М. Формы реализации общенародной собственности. М., 1984. 4. Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма. М., 1966. 5. Мамалуй А. П., Гриценко А. А. К вопросу о внутренней структуре категории собственности//Изв. АН СССР. Сер. Экономика. 1978. № 1.

Поступила в редколлегию 27.07.88

С. В. КОНОВАЛОВ, А. И. ТКАЧЕНКО, канд. филос. наук

СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Реальное осуществление во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости — одна из ключевых задач социальной политики КПСС. Реализацию указанного принципа партия рассматривает в качестве важнейшего условия революционного обновления общества, приведения в действие всех его движущих сил, в том числе всемерной активизации решающего компонента ускорения — человеческого фактора. Следовательно, изучение реальных тенденций социальной справедливости предполагает наряду с раскрытием сущности данных отношений и конкретно-социологический анализ их восприятия представите-

лями различных социальных групп и слоев, тем более, что последний из приведенных аспектов еще не нашел должного отражения в научной литературе.

Малоизученность не только самого процесса утверждения отношений социального равенства и справедливости, но и характера представлений о социальной справедливости в сфере обыденного сознания обусловлена прежде всего отсутствием систематических исследований по данной проблеме. В наибольшей мере сказанное правомерно отнести к механизму формирования данных представлений, их связи с экономическими интересами и поведением людей. Между тем поведение групп и индивидов, как верно отмечает Т. И. Заславская, «непосредственно регулируется не объективным уровнем социальной справедливости, а субъективным отражением этого уровня в сознании масс»*. Следовательно, анализ восприятия отношений справедливости, влияющих на выбор человеком определенной жизненной позиции, на формирование мотивов деятельности, а также отношение к условиям и результатам такой деятельности позволяет не только уточнить факторы улучшения социального самочувствия людей, но и повысить степень обоснованности выбора конкретных мер социальной политики и идейно-воспитательной работы на современном этапе.

Прежде всего следует отметить, что субъективно-оценочное восприятие возникает как процесс непосредственного отражения и оценки в сознании индивида сложившихся в обществе отношений равенства и неравенства. По своему содержанию такое восприятие включает анализ (синтез) условий жизненной обстановки во всем их многообразии, а также жизненных планов и возможностей выбора средств для их достижения через сравнение настоящего с прошлым и с ориентацией на будущее. При этом восприятие носит сложный, внутренне противоречивый характер, ибо, во-первых, полностью не совпадает с той «частью» объективной реальности, в которой живет и действует индивид, а во-вторых, складывается под воздействием не только длительно действующих обстоятельств, но и кратковременных условий, влияющих на реализацию жизненных планов.

Ситуативность восприятия, а также неизбежные различия во взглядах, жизненном опыте, ценностных ориентациях приводят к тому, что одно и то же явление может восприниматься одними людьми как справедливое, другими — как несправедливое. Не случайно, что проблемы справедливости относились и относятся к числу наиболее дискутируемых и трудноразрешимых в обществе. И тем не менее есть основания полагать, что изучение субъективно-оценочного восприятия социальной справедливости способно дополнить реальную картину состояния общественных отношений. Исследование проблемы справедливости только на основе теоретического анализа присущих социализму качеств и свойств

* Заславская Т. И. Творческая активность масс: резервы роста//ЭКО. 1986, № 3. С. 24.

в состоянии выявить лишь сущностный, объективный ее аспект, т. е. степень соответствия реальной системы общественных отношений теоретической модели социализма. В результате возникает образ, приближающийся к действительной природе объекта, однако лишенный при этом своих специфически субъективных и в то же время конкретных во всей их сложности моментов. Последнее и выступает в конечном счете решающим фактором того, что итоговый научный результат по-прежнему предстает в виде логической модели действительности, не полностью идентичной самой действительности. Между тем в стороне остается все многообразие проявлений социальной справедливости и тем более ее оценок, определяемых в своей основе реальными характеристиками общественного строя. Отсюда анализ восприятия, позволяющий соотносить объективное и субъективное в социальных отношениях или увидеть в «субъективном отражении» (пусть неполное, неточное, подчас извращенное) объективного^{*}, только приближает теоретическую модель отношений социальной справедливости к действительности, но отнюдь не наоборот.

Воплощая в себе, помимо объективных характеристик социальной справедливости (отношение к средствам производства, мера соответствия получаемых доходов затратам труда и т. д.), еще и субъективные представления о том, «как должно быть по справедливости», восприятие отношений справедливости есть не просто субъективная констатация меры их развитости, а скорее, основание — мобилизующее или сдерживающее — для принятия жизненно важных решений. Уверенность в том, что общество (коллектив) в полной мере реализует в своей деятельности принцип справедливости, усиливает трудовую, общественно-политическую активность масс, приумножает энергию деятельности каждого члена общества. И напротив, состояние глубокой неудовлетворенности, обусловленное отступлениями от данных принципов в практике общественной жизни, в большинстве случаев порождает социальную пассивность, нигилизм, иждивенчество не только отдельных индивидов, но и целых социальных групп. Следовательно, от того, как члены общества воспринимают социальную справедливость, какими видят пути ее достижения, а также свою роль в данном процессе, будет во многом зависеть и успех осуществляемых в стране преобразований.

Представления о справедливости в той мере, в какой они служат ориентиром для реального поведения людей, в основном верно отражают достигнутую обществом степень социального равенства. И сама возможность направлять силы широких слоев трудящихся на дальнейшее упрочение справедливости в условиях обожествления социализма объективно обусловлена полнотой информации о характере восприятия социальной справедливости.

Сведения, полученные в ходе осуществления первого этапа ис-

^{*} Интервью с чл.-корр. АН СССР М. Н. Руткевичем // Социол. исследования. 1987. № 5. С. 32.

следования «Пути укрепления социальной справедливости»*, дают определенное представление об особенностях субъективно-оценочного восприятия, которые характеризуют его, с одной стороны, в качестве показателя достигнутого уровня социальной справедливости, а с другой — как важный фактор формирования поведения людей в той или иной конкретной ситуации.

Учитывая, что реальной основой социального восприятия, в том числе справедливости, служит весь спектр отношений жизнедеятельности человека, в ходе анализа активно использовались как объективные показатели уровня жизни респондентов, так и показатели, выражающие оценку респондентами общих и непосредственных жизненных обстоятельств с точки зрения реализации в них принципа социальной справедливости, отношение опрошенных к имеющимся недостаткам и поиску путей для их скорейшего устранения. Данная система показателей позволяет, в свою очередь, получить важную информацию о взаимосвязи факторов, обуславливающих субъективно-оценочное восприятие в их общем представлении в локальной специфике. Но вначале следует остановиться на таком интегральном показателе, как степень распространенности явлений несправедливости, в равной мере относящемуся к оценке как общих, так и непосредственных обстоятельств жизни респондентов.

По данным опроса, *достаточно часто* сталкивались с нарушениями принципа социальной справедливости 77,2 % респондентов, 18,2 % — *иногда*. И только 0,3 % заявили, что нарушений такого рода *не бывает*. В то же время примерно 1/4 опрошенных отметила существенные позитивные сдвиги в деле упрочения справедливости, произошедшие за последние два с половиной года. На наш взгляд, это достаточно обнадеживающий показатель, свидетельствующий об изменении восприятия социальной справедливости в лучшую сторону. И все же более 50 % респондентов, из которых 22,4 % — рабочие, 21,5 % — ИТР, 26,7 % — служащие, 30,1 % — пенсионеры, подчеркнули, что их ощущение справедливости после двух лет перестройки практически осталось на *«том же уровне»* или даже *«изменилось в худшую сторону»*. Крайне незначительная дифференциация данного показателя по социально-классовому признаку — свидетельство достаточно широкого распространения негативных тенденций в различных областях общественной жизни. В подобной связи возникает немаловажный вопрос об идентификации — как на уровне общества, так и трудового коллектива, — причин нарушения социальной справедливости.

* Исследование проводится по заданию Отдела пропаганды и агитации ЦК Компартии Украины кафедрой научного коммунизма Харьковского политехнического института им. В. И. Ленина (при участии авторов). В статье приводятся данные, полученные в ходе опроса населения в г. Николаеве и Николаевской области. Всего опрошено 1417 чел. от 18 лет и старше. Из них: рабочие — 32,3 %, ИТР — 33,4 %, служащие — 22,6 %, пенсионеры — 9,5 %. По размеру среднемесячного дохода на одного члена семьи: до 100 р. — 65,8 % респондентов, свыше 100 р. — 32,3 %; не ответили на вопрос — 1,6 %.

вости, устранение которых выступает мощным фактором положительного восприятия происходящих социальных процессов (таблица).

Место	Ранжирование причин нарушения социальной справедливости	
	в обществе (регионе)	в трудовом коллективе
I	Использование «блата», оказание услуг только знакомым и друзьям	Отсутствие гласности, осуждения со стороны окружающих
II	Дефицит продовольственных и промышленных товаров	Использование «блата», оказание услуг только знакомым и друзьям
III	Недостаточная строгость мер по отношению к тем, кто «не работает, но ест»	Низкий уровень культуры и правовых знаний граждан
IV	Потребительство, стяжательство, стремление к наживе	Приписки, очковтирательство
V	Отсутствие гласности, осуждения со стороны окружающих	Частнособственнические пережитки в сознании людей

Характер распределения (по рангу) ответов респондентов по пяти важнейшим позициям * говорит о наличии не только общих тенденций в нарушениях принципа социальной справедливости в обществе и трудовых коллективах, обусловленных широким использованием системы личных связей и отсутствием гласности, но и об определенной специфике. Последняя связана на уровне общества с дефицитом продовольственных и промышленных товаров, на уровне коллектива — с низким уровнем культуры граждан, сознательным искажением результатов труда. Место и роль рассматриваемого показателя обусловлены еще и тем, что он отражает степень социальной значимости тех или иных причин нарушения принципа социальной справедливости в данном регионе, и, следовательно, может рассматриваться в качестве своеобразного «индикатора-ориентира» деятельности субъекта управления любого уровня по исправлению имеющихся недостатков.

Анализ факторов, воздействующих на характер субъективно-оценочного восприятия социальной справедливости, позволил свети все их разнообразие к трем основным группам. Наиболее заметное и непосредственное влияние оказывают факторы, сосредоточенные в *сфере труда и распределения*. Концентрированное выражение это влияние находит в оценочных показателях удовлетворенности условиями и содержанием труда, а также существующим порядком его оплаты, размером заработной платы, системой материального и морального стимулирования труда в целом. Среди первых наиболее осязаемое (в порядке возрастания) влияние оказывают обеспеченность техникой и материалами, условия для

* Всего вопрос содержал 16 позиций, из которых необходимо было отметить не более 5, но самых существенных, по мнению респондентов,

повышения квалификации, профессионального роста и организационные формы функционирования рабочей силы — распределение видов работ исходя из критериев профессионального мастерства, знаний, опыта, способностей работника.

Следует отметить, что в среднем только на 29,6 % всех опрошенных распространяется принцип социальной справедливости в создании равных условий труда. Для 21,6 % такие условия не одинаковы. И хотя последнее, по мнению респондентов, связано с объективными обстоятельствами, подобное положение вряд ли может считаться нормальным. Исходя из приведенных данных можно предположить, что значительная часть работников испытывает неудовлетворенность условиями и организацией своей трудовой деятельности, что, несомненно, сказывается как на производительности труда, так и на их творческой активности.

Закономерным следствием нарушений принципа социальной справедливости в сфере труда выступают подобные нарушения в сфере распределения. Так, почти 50 % опрошенных считают размер своей заработной платы в сопоставлении с затрачиваемым трудом значительно заниженным, и лишь 1/3 полагают, что такое соответствие есть. Наибольший удельный вес составляют неудовлетворенные размером своей заработной платы ИТР (62,7 %), т. е. та категория работников, в оплате труда которой элементы уравниловки проявляются наиболее наглядно.

В ходе анализа выяснилось, что такая неудовлетворенность не в последнюю очередь объясняется тем, что у большинства респондентов размер заработной платы определялся занимаемой должностью, штатным расписанием, хорошим отношением начальства, и только 1/4 опрошенных видели связь между размером материального вознаграждения и личным трудовым вкладом или достижениями первичного трудового коллектива. В итоге 71,9 % респондентов считают, что при условии соответствия размера заработной платы своему трудовому вкладу они... смогли бы значительно повысить выработку, причем довольно большая часть их (11 %) — в 2 раза и более. Парадоксальность ситуации, когда, с одной стороны, свыше 50 % респондентов полагают, что они могут весьма существенно повысить уровень своей производительности, т. е. фактически признают, что трудятся явно ниже своих возможностей, а с другой — они же уверены в том, что им не доплачивают за труд, думается, наиболее ярко отражает несовершенство действующей системы оплаты и стимулирования труда.

Сопоставляя полученные данные, можно сделать вывод о том, что состояние удовлетворенности размерами вознаграждения формируется не столько под воздействием самооценки трудовых затрат, сколько за счет социального сравнения, ориентации на заработок «не хуже, чем у других», что при ограниченных возможностях влиять на размер заработной платы за счет количества и качества своего труда играет роль сдерживающего фактора в развитии активности работников, заставляет их искать способы

приложения своих сил вне рамок законной деятельности. Не случайно, видимо, на вопрос: «Являетесь ли Вы в настоящее время свидетелем нетрудовых доходов работников вашего коллектива?» 42,6 % опрошенных дали положительный ответ, причем 22,5 % из них заявили, что знают несколько таких лиц.

Следствием объективной невозможности, как и незаинтересованности работников в полном объеме реализовать свой трудовой потенциал по месту основной работы, можно считать и стремление примерно 50 % из них иметь дополнительно оплачиваемую работу (к моменту опроса ее имели 8,8 % респондентов).

Следующая по значимости группа факторов связана с морально-психологическим климатом коллектива, где трудится и живет индивид. Опрос показал, что наряду с почти единодушным осуждением негативных явлений в различных сферах жизнедеятельности трудовых коллективов еще не завершился переход от обвинения других в отступлении от принципов и норм социальной справедливости к осознанию личной ответственности за них. В частности, это проявляется во взаимосвязи таких показателей, как наличие в коллективах значительного процента лиц, имеющих нетрудовые доходы, с одной стороны, и пассивной позицией большинства по отношению к данному явлению — с другой. Так, осуждение негативных явлений на уровне «разговоров в тесном кругу» или вообще равнодушные к ним со стороны окружающих признают почти 3/4 опрошенных, а по свидетельству 6 %, в коллективах предпринимаются попытки даже оправдать лиц, поступающих несправедливо. Немаловажной причиной подобного рода нравственной атмосферы, в которой социальное возмущение только затронуло чувства и настроения масс, но не вошло еще прочно в мотивационную сферу их сознания, следует считать отсутствие гласности, дефицит информации о делах коллектива, порождающие апатию и молчаливое согласие с происходящим у большинства его членов (таблица).

Наконец, третью группу факторов восприятия социальной справедливости, особо важных для раскрытия темы настоящей статьи, составляют так называемые *личностные* факторы, отражающие своеобразие места, фактически занимаемого человеком в системе общественных отношений, направленность его интересов и ценностных ориентаций, а также индивидуальные, только ему присущие особенности реакции на явления окружающей среды. Существенной особенностью данных факторов выступает то, что они опосредуют действие всех остальных факторов, причем таким образом, что последнее полностью не совпадает с тем содержанием, которое эти факторы несут каждый в отдельности. Талько во взаимосвязи выделенных групп факторов четко проявляется и замыкается цепь детерминации субъективного восприятия: внешние условия жизнедеятельности — внутренние условия (система личностных качеств) — деятельность, в результате которой и образуется содержание восприятия.

Следовательно, восприятие как идеальное образование по существу обусловлено взаимодействием субъекта с действительностью и само выступает посредством включения в мотивационную сферу необходимой предпосылкой ее преобразования. В данной ситуации, как ни в какой другой, возникает и разрешается противоречие между общественно-нормативным и духовно-творческим в сознании и поведении человека, между социально-типическим и индивидуально-личностным в его общественном положении. Критерий справедливости и равенства и тем более оценка с позиций этого критерия характера общественных отношений подвергаются в рамках данного противостояния самым различным интерпретациям, причем с двух противоположных позиций — общественной и личностной (не обязательно индивидуальной). Именно на такой основе происходит размежевание точек зрения на социальную справедливость и возможные пути ее упрочения, выделение социального большинства и меньшинства сторонников тех или иных взглядов, выражающих их реальные интересы. На этой же основе формируется и противоречивый феномен направленности личности, ее жизненной позиции, в реализации которой социальной справедливости принадлежит роль регулятора и существенного ориентира.

Так, из сопоставления суждений о состоянии проблем социальной справедливости на трех уровнях общественной организации — общества (региона), трудового коллектива и личности, — казалось бы, вытекает, что уровень социальной справедливости в трудовых коллективах значительно выше, чем в обществе (регионе) в целом. Об этом свидетельствует распределение ответов на вопрос о частоте нарушений в различных сферах общественной жизни: в 11 из 16 предложенных респондентам позиций было зафиксировано большее распространение явлений несправедливости вне сферы жизнедеятельности трудовых коллективов, хотя в последней они также имеют место. Тем не менее 95,4 % респондентов, подавляющее большинство из которых (90,5 %) является членами трудовых коллективов, отметило различные факты несправедливости по отношению к себе. Отсюда было бы естественным предположить, что подобные факты должны вызывать законный протест. Однако лишь около 50 % опрошенных заявили, что «практически всегда» (15,1 %) или «довольно часто» (31,6 %) выступают против явлений несправедливости. Но и данный показатель, думается, не в полной мере отражает реальное положение дел, ибо, как уже отмечалось, подавляющее большинство участников опроса зафиксировало в своих ответах пассивную позицию окружающих их людей по отношению к происходящему, и только 3,3 % оценило это отношение как активное неприятие явлений несправедливости. Последнее коррелирует и с результатами ответов на вопрос об эффективности борьбы с несправедливостью, согласно которым только 2,8 % респондентов достигали цели в такой борьбе, 30,2 % — лишь иногда, остальные — практически не достигали либо вообще не смогли оценить результаты за-

трагических усилий. В этой связи правомерно предположить, что подобные расхождения в оценках уровня социальной справедливости, а также неадекватность поведенческих реакций респондентов обусловлены тем, что последние оценивали степень справедливости в обществе (регионе) и трудовом коллективе по одним критериям, а по отношению к себе — по несколько иным, видимо, во многом окрашенным чувственно-эмоциональным фоном своего переживания ситуации. В самом деле, если субъективно-оценочное восприятие есть преломление объективной ситуации в социально-экономическом развитии общества сквозь призму жизненных интересов субъекта, то в нем помимо нормативных представлений о социальной справедливости неизбежно должно реализоваться еще и личностно-смысловое отношение человека к ней, неотделимое от его особого, специфически субъективного отношения к самому себе. Другими словами, приведенные примеры свидетельствуют о несовпадении личностного смысла и объективной значимости тех общественных обстоятельств, в которых оказались респонденты.

В данном случае представляется, что характер ценностных ориентаций респондентов не позволил им в должной мере проявить активность в деле упрочения социальной справедливости. Однако исследование выявило преобладание у большинства опрошенных общественной направленности интересов, их ориентацию на все более полное и, главное, скорейшее воплощение в жизнь принципов справедливости, что еще раз подтверждает сложность рассматриваемого феномена. Совпадение ценностных ориентаций личности с объективными закономерностями упрочения социалистической справедливости не означает их автоматической реализации.

Как показывает опыт, нравственные убеждения, ценностные ориентации на то или иное социальное явление (в нашем примере — справедливость как цель и общественный идеал), не подкрепленные в должной мере реальной практикой функционирования данного явления в жизнедеятельности личности, не могут полностью реализовать свою регулятивную функцию в формировании социального поведения. Происходящий в этом случае разрыв содержательного и эмоционально-поведенческого компонентов ценностных представлений ведет к тому, что указанные представления выступают скорее объективным основанием саморегуляции деятельности субъекта, чем непосредственным, личностно-значимым мотивом в выборе той или иной линии поведения. Следовательно, большую смыслообразующую нагрузку в процессе окончательного самоопределения субъекта принимают на себя непосредственные оценки окружающей действительности и в первую очередь характера микросреды.

Рассматривая под таким углом зрения вышеизложенные факты расхождений в оценках и поведении респондентов, нетрудно заметить, что они объясняются не только значительным распространением явлений несправедливости, но и фактическим отсут-

ствием положительного опыта индивидуальной борьбы с несправедливостью, ее кажущейся «бесперспективностью» для многих участников опроса. И если в первом из приведенных примеров данный фактор обуславливал расстановку резко негативных акцентов прежде всего по отношению к себе, то во втором — заставлял придерживаться житейского правила — «лучше не вмешиваться», формируя тем самым отношение к негативным явлениям как неизбежному злу. В результате — разрыв между словом и делом, между отношением к негативным явлениям и фактическим участием в борьбе за их устранение, что свидетельствует о значительных резервах в формировании активной жизненной позиции. Из сказанного вытекает, сколь важно не только ориентировать широкие массы в экономических, политико-правовых, нравственных аспектах справедливости, раскрывая их тесную взаимосвязь, но и превращать данную ориентацию в коллективную убежденность, в стремление активно участвовать в максимально полной реализации потенциала справедливости социалистического общества.

Расширение подлинно коллективистских представлений о социальной справедливости, ломка сложившихся в этой области стереотипов мышления и практики могут и должны стать важным стимулирующим фактором более адекватного восприятия существующих отношений справедливости — несправедливости и, следовательно, формирования активной жизненной позиции всех и каждого. Однако в еще большей степени оптимизация подобного процесса будет определяться кардинальными сдвигами в образе жизни широких трудящихся масс, направленными на повышение их реального жизненного уровня, развитие творческих сил и способностей, умножающих созидательный потенциал перестройки.

Актуальность подобного дифференцированного подхода к анализу восприятия социальной справедливости, исследуемого в единстве его «прямых» и «обратных» связей, во многом возрастает в современных условиях, когда успех совершаемых в обществе преобразований в такой же мере зависит от мобилизации сознания, чувств и воли каждого советского человека, как и от создания адекватных социальных возможностей для их реального воплощения в жизнь.

Поступила в редколлегию 17.07.88

В. Н. ХИТУЩЕНКО, М. П. МАДИН

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УТВЕРЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В ранг общепартийной, а следовательно, и общегосударственной политики Программой КПСС возведено утверждение принципа социальной справедливости во всех сферах общественных

отношений. И сфера национальных отношений не является при этом исключением. Практика свидетельствует о массе накопившихся и проявляющихся здесь в различных (иногда крайних) формах противоречий. Поэтому воплощение принципа социальной справедливости в советском обществе предполагает выявление и учет национальных аспектов данного процесса.

Принцип, как известно, есть руководящая идея, основное правило деятельности. Категория «социальная справедливость» как ориентир социальной политики «характеризует объективно обусловленную уровнем материальной и духовной зрелости общества меру равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей» [7, с. 6]. Представления о социальной справедливости имеют конкретно-исторический характер и наполнены классовым содержанием, т. е. в различные исторические эпохи и у разных классов существует свое понимание справедливости. Динамика производственных отношений определяет подвижность, относительность данного понятия. Объективным критерием социальной справедливости выступают законы общественного развития. «То, что справедливо с точки зрения морали или даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном плане. Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена — наукой политической экономии», — утверждал Ф. Энгельс [1, т. 19, с. 255]. Объективно справедливо то явление общественной жизни, содержание которого соответствует данному способу производства, адекватно ему.

Но любое общественное явление в реальной действительности представляет собой результат борьбы вполне определенных лиц или групп людей за свои интересы. Длительное время социальный прогресс, развитие способностей рода «человек» происходило за счет индивидов и целых классов, ибо интересы рода, особых индивидов и классов совпадали. Классы объективно выступают носителями социальной справедливости, хотя их существование связано прежде всего с безвозмездным присвоением продуктов прибавочного, а то и необходимого труда непосредственных производителей, т. е. с эксплуатацией. Социальное неравенство, порожденное разделением труда и классовым расслоением общества, воспринималось как естественное состояние.

Социальный прогресс в течение столетий осуществлялся при эксплуатации одних классов и народов другими. Безжалостное ограбление колоний явилось важнейшей предпосылкой первоначального накопления капитала, промышленного переворота в Англии, резко ускорившего развитие этой страны. Мощь Российской державы укреплялась потом и кровью не только русских трудящихся, но и десятков других народов. Процветание Соединенных Штатов Америки обеспечивается и на заводах Детройта, и на нефтепромыслах Ближнего Востока, плантациях Латинской Америки, африканских рудниках. Это закономерно, ибо «существую-

щие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими» [1, т. 4, с. 371], следовательно, в значительной степени и *развитие* одних за счет других (скажем, паразитическое потребление российской городской буржуазии и помещиков накануне Октябрьской революции составляло около 20 % национального дохода всей страны, средства уходили на удовлетворение материальных и духовных потребностей этих слоев, и таким образом стимулировались те или иные виды материального и духовного производства, развитие культуры в определенных направлениях).

Лишь при капитализме с его гигантскими производительными силами вызревают необходимые условия для того, чтобы интересы общественного развития совпали с интересами непосредственных производителей материальных благ. Выполнение исторической миссии пролетариата, ставшего носителем социальной справедливости, предполагает уничтожение частной собственности на средства производства, ликвидацию всех видов эксплуатации и социального неравенства. «Победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами» [1, т. 4, с. 371].

Диктатура пролетариата есть важнейшая предпосылка ликвидации национальных антагонизмов, снятия груза веками накапливавшихся обид, достижения национального равенства. В той или иной степени конфликты с национальной окраской затронули многие социалистические страны, поднимаясь порой на межгосударственный уровень. Но содержание этих конфликтов определяется не классово-антагонистическими отношениями, а динамикой развития социалистического общества, просчетами в национальной политике, запаздыванием в положительном разрешении национальных противоречий либо «забеганием» вперед, попытками решать задачи, которые свойственны обществу, стоящему на более высокой ступени развития.

Социальная справедливость как общественный идеал, заключающийся в достижении одинакового положения всех членов общества, установлении социального равенства, не может быть в полной мере воплощена при социализме. Но на первой фазе коммунистической формации необходимо преодолеть ряд последовательных ступеней, постепенно поднимая уровень равенства и справедливости.

Реализацию принципа социальной справедливости в сфере национальных отношений российскому пролетариату пришлось начинать с общедемократического уровня, уже достигнутого в начале XX в. некоторыми передовыми буржуазными государствами. В первых же декретах Советской власти было провозглашено и юридически закреплено равноправие всех национальностей. Однако на деле до равенства было далеко. Значительная часть народов России к моменту Октябрьской революции без помощи извне была не в состоянии использовать все права, предоставля-

емые им новой властью. Помочь отсталым народам выровнять уровни развития национальностей — такова задача рабочего класса при утверждении принципа социальной справедливости в сфере национальных отношений. Сразу же был дан отпор попыткам игнорировать интернациональный долг, стремлениям «бросить ресурсы в общий котел», разделив их поровну, что в конечном счете могло дать только отрицательный эффект, отбросило бы старые индустриальные районы далеко назад. Пролетарское понимание справедливости требовало всестороннего прогресса *всех* народов, поэтому с помощью государственных рычагов обеспечивались опережающие темпы развития национальных окраин.

Ленину и партии большевиков в послеоктябрьский период пришлось отказаться от множества, казалось бы, незыблемых истин ввиду их неадекватности конкретным историческим условиям. Основательно были скорректированы взгляды и на национальное движение, проблема которого оказалась намного серьезнее, чем представлялось ранее. Сказанное, в частности, выразилось в пересмотре путей национально-государственного строительства, в отказе от идеи унитарной республики, реализации идеи социалистической федерации как формы, наиболее способствующей установлению равенства народов и отвечающей принципу социалистической социальной справедливости. Образование СССР открывало широкие возможности не только для экономического, социального и духовного прогресса каждой национальности, мобилизации их внутренних потенций, но и для оказания взаимопомощи.

Объединение трудящихся всех национальностей для решения общих целей и задач возможно было не столько политическими средствами, т. е. принуждением, сколько средствами социальными, через общие интересы. «Наш опыт, — отмечал В. И. Ленин, — создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» [2, т. 45, с. 240]. В ленинской концепции строительства социализма акцент сделан на саморазвитии народов, на их опыте и интересе. В процессе созидания нового общества с учетом своеобразия исторического пути каждого народа постепенно стиралось взаимное недоверие, усиливались межнациональные контакты, крепили связи. Ускоренные темпы экономического развития отсталых районов, развертывание культурной революции, формирование национальных отрядов рабочего класса и народной интеллигенции, коренизация государственного аппарата значительно «подняла планку» равенства национальностей. Указанные процессы не происходили безболезненно, так как ломался традиционный уклад жизни, труда и быта, затрагивались

интересы миллионов людей, ограничивалось влияние имущих слоев, духовенства, что вызывало соответствующую реакцию с их стороны.

Практика показала, что огромная концентрация власти является обоюдоострым оружием и в условиях диктатуры пролетариата. Изменение обстановки внутри партии, коллективная мысль которой была свернута, привело к такому положению, когда разработка теории и политики по сути приобрела персонифицированный, личностный характер, обратная связь с практикой была в значительной степени утрачена. Установление монополии на истину, попытки вписать все многообразие жизни в заранее заданную схему, вогнать в каркас готовых решений, стремление «осчастливить» народ, навязать ему волю меньшинства неизбежно влекли за собой произвол и насилие.

Множество национальных проблем, остроту которых мы сейчас ощущаем, — следствие грубейших просчетов в национальной политике, вовремя не исправленных ошибок, попыток уйти от решения назревших вопросов. Динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального государства Советов, был существенно утрачен и подорван отходом от ленинских принципов национальной политики, нарушением законности в период культа личности, идеологией и психологией застоя [3, с. 134].

Волевые, внеэкономические методы управления обществом, ставшие господствующими с 30-х гг., на определенных этапах могли и давали временный эффект, но в перспективе были чреваты серьезнейшими негативными последствиями. Стремление ликвидировать исторически сложившееся неравенство между народами без сознательного и активного участия самих народов, без опоры на их саморазвитие, через навязывание извне путей и темпов движения даже исходя из самых благородных побуждений не совмещалось с принципом социальной справедливости. Ведь понятие социальной справедливости имеет не только объективную, но и субъективную сторону. Если первая отражает степень реального соответствия складывающейся на конкретном этапе развития системы общественных отношений теоретической модели социализма, то вторая — «субъективную оценку справедливости общественных отношений разными группами и слоями, и поведение групп непосредственно регулируется не объективным уровнем социальной справедливости, а субъективным отражением этого уровня в сознании масс» [6, с. 24]. Командно-бюрократические методы руководства, закрепление отчуждения трудящихся от средств производства и политической власти повлекли за собой несовпадение оценок со стороны субъекта и объекта управления.

Так, с серьезнейшими отступлениями от принципа социальной справедливости связаны события в Нагорном Карабахе. Ежегодные отчисления области в вышестоящие бюджеты за последние десятилетия составляли в год 91 млн р., бюджет же самой области — 42 млн, или 46 % отчислений. Размер капиталовложений,

выделяемых на социально-экономическое развитие НКАО, был значительно ниже, чем в других областях Азербайджанской ССР. На ключевые позиции в руководстве области выдвигались, как правило, назначенцы из Баку. В ущерб изучению армянского языка в школах было введено преподавание азербайджанского, искусственно тормозилось развитие армянской культуры.

Факты нарушения национального равенства не получили должной оценки со стороны бывших руководителей области и республики. Митинги, забастовки, антиконституционные, противоправные действия распространились среди определенной части населения Армении и Азербайджана. Ясно, что субъективный уровень социальной справедливости оказался надолго смещенным, восстановление доверия между армянским и азербайджанским народами потребует немало времени и усилий.

Казалось бы, в совершенно иной плоскости происходят в настоящее время социальные процессы в Прибалтике. Но и здесь характерны (со своими особенностями) отступления от принципа социальной справедливости. Темпы социально-экономического развития Эстонии, Латвии, Литвы резко возросли после вхождения их в состав СССР. Уровень жизни населения указанных республик к сегодняшнему дню сопоставим с уровнем жизни наиболее развитых стран мира.

Национальные отношения, как известно, не существуют в «чистом» виде. Это одна из сторон формы и содержания экономических, социальных, политических и духовных отношений вообще. Узководомственные интересы, зачастую выдававшиеся за государственные, общенародные, определили ошибочную и порочную инвестиционную политику в прибалтийском регионе, что резко усилило миграционные процессы. (К примеру, в Эстонской ССР ежегодный механический прирост населения в 8 раз превышает естественный прирост населения эстонской национальности [8]). Если такая эгоистическая политика ведомств в Москве или Ленинграде обостряет проблемы жилья, социально-культурного обеспечения, снабжения и распределения, то в данном регионе подобные проблемы приобрели дополнительную — национальную окраску. Справедливое возмущение негативными явлениями при безрезультатной апелляции к органам управления вылилось в не совсем привычные для нашего общества формы. Появились и действия, идущие вразрез с конституционными нормами (в частности, решение Верховного Совета Эстонской ССР от 16 ноября 1988 г. об изменении некоторых положений Основного закона республики). При разработке проектов законов о гражданстве республик стали звучать нездоровые предложения о введении ценза проживания, об обязательном знании языка коренного населения республик всеми ее гражданами и т. п. Засилье центральных ведомств, проявляющееся на практике в принижении местных органов власти и даже игнорировании национальных интересов, породило ответную реакцию, зачастую с перехлестами, когда одну

несправедливость сменяет другая, предпринимаются попытки ввести привилегии и ограничения по национальному признаку.

Национальный эгоизм, недооценка результатов совместного труда могут оказаться серьезным барьером на пути перестройки, предоставляющей широкий простор для поиска новых возможностей совершенствования общественных отношений. Поэтому очень важно избавиться от имеющихся взаимных подозрений и в центре, и в республиках, отмечал М. С. Горбачев на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, необходимо договориться по всем вопросам и решить их [4].

Важнейший шаг к наполнению социальной справедливости объективным содержанием — развитие хозрасчетных отношений, перевод связей между союзными и республиканскими органами и связей между республиками на экономические основы. Трудно ожидать от работника, отчужденного от результатов своего труда, высокоэффективного использования современных средств производства. Нечто подобное произошло с экономикой на республиканском уровне. Подавляющее большинство предприятий находится в подчинении союзных и союзно-республиканских министерств (в той же Прибалтике это составляет около 90 % экономического потенциала республик), которые распоряжаются их прибылью, по своему усмотрению направляют инвестиционный процесс и т. д. Практически отсутствует тесная взаимосвязь между эффективностью трудовой деятельности населения республик, его социально-профессиональными качествами и получаемыми им благами. Такое положение, с одной стороны, приводит к появлению иждивенческих настроений, а с другой — подрывает стимулы совершенствования хозяйственной деятельности, ибо на региональном уровне нарушается основной принцип социализма: «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Скажем, Казахстан вывозит за пределы республики продукцию на 8 млрд. р., а завозит на 16; Таджикская ССР потребляет материальных благ на 20 % больше, чем производит; в роли иждивенцев оказался ряд областей Российского Нечерноземья [9, с. 49—50]. Перевод средств из одних регионов в другие осуществляется под предлогом необходимости дальнейшего выравнивания уровней их развития, хотя сейчас уже ясно, что патерналистская форма оказания помощи полностью исчерпала себя.

Наполняя равенство фактическим содержанием, необходимо исходить не из задачи нивелировки социально-экономических структур наций и народностей, а из показателей, характеризующих качество жизни и используемых в мировой практике (продолжительность жизни населения, детская смертность, потребление высококачественных продуктов питания и т. д.).

Радикальная экономическая реформа, доведение хозрасчетных отношений до основного звена, до предприятий объективно выносит на повестку дня вопрос об изменении практики ценообразования, о передвижках в специализации регионов. Цены на энергоносители, сельскохозяйственную и некоторые иные виды

продукции искусственно занижены, в то время как обеспечивается высокая прибыль другим. Так, предприятия Таджикской ССР перерабатывают только 9 % хлопка, выращенного в республике, остальной в виде сырья по низким закупочным ценам поступает на переработку в другие республики. Вся угольная промышленность страны убыточна, но каждая четвертая тонна угля добывается на Украине, что сказывается на общих показателях республики.

Наполнение объективным содержанием социальной справедливости настоятельно требует перевода республик на хозрасчет, внедрения паритетных начал при республиканском товарообмене, развития связей наций и народностей через социалистический рынок. Однако следует подчеркнуть, что указанные процессы должны сопровождаться и соответствующими изменениями в субъективном уровне справедливости. Очень важно, чтобы трудящиеся хорошо знали, каков вклад коллектива, региона в общее дело, какова отдача, от каких связей, поставок зависит их нормальная работа, результаты их деятельности. Без выработанной четкой позиции мера равенства и неравенства в жизненном положении различных наций и народностей, как свидетельствует практика, в массовом сознании может значительно смещаться и оказывать негативное воздействие на их поведение.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. 4. Горбачев М. С. Заключительное слово на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР//Правда, 1988. 2 дек. 5. Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания. М., 1988. 6. Заславская Т. И. Творческая активность масс: социальные резервы роста//ЭКО. 1986. № 3. 7. Роговин В. З. Социальная справедливость и социалистическое распределение жизненных благ//Вопр. философии. 1986. № 9. 8. Советская Эстония. 1988. 22 мая. 9. Холмогоров А. И. Национальная политика в СССР. М., 1988.

Поступила в редколлегию 07.07.88

Л. М. ГОЛОВАНОВА

КОЛЛЕКТИВНОСТЬ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В БРИГАДНЫХ ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Стратегическая линия партии на достижение качественно нового состояния советского общества обусловила пристальное внимание обществоведов к проблеме внутреннего качества социализма как общественной системы. Критический взгляд на ряд догматических положений, упрощенно трактовавших возникновение нового этапа социалистического развития одновременно обнаружил всю сложность теоретического осмысления действительного процесса возникновения нового качества социализма,

В системе теоретических положений, характеризующих природу коммунистического общества на всех фазах его развития, всегда сохранялось и играло ключевую роль понятие коллективности. Данное понятие употребляется и анализируется в философии, политической экономии, научном коммунизме, социальной психологии, истории КПСС и других обществоведческих науках. В основном этот анализ ограничивается узкоспециальными целями ученых, многие из которых, исследуя коллективность в рамках своей науки, сводят сущность указанного понятия лишь к ее проявлениям в какой-либо одной сфере общественной жизни — экономической, социально-психологической, сфере руководства и управления и т. д.

Политэкономы ставят вопрос о коллективности как основе социалистического производства, всеобщей форме социалистических производственных отношений, исходном производственном отношении социализма и т. д. [6]. В рамках политэкономии исследованию теоретического содержания коллективности и форм ее практической реализации уделяется достаточное внимание. Вместе с тем следует иметь в виду, что коллективность не исчерпывается только производственной сферой.

Представители социальной психологии, особенно в последние годы, успешно анализируют качественную специфику межличностных процессов в коллективе, рассматривая при этом сам коллектив как высший уровень развития социальной группы. Коллективность здесь понимается лишь в социально-психологическом контексте, применительно к малым группам [9].

Со второй половины 60-х гг. в рамках исторического материализма и теории научного коммунизма понятие коллективности исследуется как специфическое социальное качество коммунистической общественно-экономической формации. Данный аспект имеет большое значение для выяснения методологического и общетеоретического содержания понятий «коллективность» и «коллектив» [3]. Важной особенностью указанного этапа исследования коллективности явилась постановка проблемы разграничения самих понятий коллектива и коллективности. Теоретическое содержание понятия коллективности выделилось в самостоятельную проблему.

Одним из первых свой вклад в становление философско-социологической концепции коллективности внес Г. М. Гак, который начал с разграничения понятий «коллектив», «коллективность» и «коллективизм»: «Существенное различие состоит в том, что коллективы бывают разных родов и могут характеризоваться типологическими различиями, коллективность же характеризуется степенными различиями. Она может в разных коллективах находиться на различных уровнях, быть более или менее развитой». По его мнению, «коллективность предполагает не только совместность действий, но и такую согласованность, которая выражается в сплоченности, в сознательной взаимной помощи, основанной на общности интересов и целей деятельности» [5, с. 12]. Сле-

дует, однако, заметить, что в приведенной трактовке понятия «коллективность» недостаточно учитывается такая важная сфера ее проявления, как общественные отношения, и в первую очередь — производственные. Автор делает акцент на коллективистском характере субъектного содержания совместной деятельности, выдвигая при этом на первый план социально-психологическую интерпретацию понятия коллективности.

На наш взгляд, более приемлема позиция В. П. Ратникова, который рассматривает коллективность «как целостное ... качество социальной деятельности, отношений и общения, не сводимое ни к коллективизму, ни к коллективным производственным отношениям, ни к коллективной деятельности» [11, с. 44]. Итак, коллективность можно охарактеризовать как особое качество общественной жизни. Это внутреннее качество нового социального строя, которое разворачивается по мере развития социализма.

Представляется, что изложенное понимание коллективности имеет важное значение в различных аспектах. Прежде всего следует отметить ущербность употребления термина «коллективность» в сугубо формальном значении, когда им обозначается любая общность людей, их совместность, любые общественные отношения и т. д. [8, с. 62], т. е. такие социальные феномены, которые, не обладая элементарной качественной спецификой коллектива, имеют место во всех, в том числе классово-антагонистических формациях. Отождествление коллективности с перечисленными социальными феноменами является неверным, ибо здесь принимаются во внимание лишь внешние пространственно-временные характеристики общественных связей людей и не учитывается сама суть коллективности как специфического качества деятельности, отношений и общения людей, всей социальной жизни.

В данной ситуации имеет место не только терминологическая неточность, но и смешение качественно различных типов общественных систем. Подобные неточности были использованы нашими политическими оппонентами, которые пытались выхолостить из понятия коллективности его социально-экономическое и классовое содержание, представить капитализм как общественный строй, способный по своей природе культивировать коллективистские отношения между людьми.

В разработке и объяснении той или иной категории большое значение имеет ее вычленение из ряда родственных или сходных с ней категорий. При рассмотрении категории «коллективность» важная роль отводится анализу ее соотношения с такими понятиями, как «коллективизм» и «коллектив».

Прежде всего целесообразно рассмотреть соотношение коллективности и коллективизма. Трудность заключается, на наш взгляд, в том, что в литературе отсутствует достаточно сбалансированная точка зрения не только по поводу определения понятия «коллективность», но и «коллективизм». «Коллективизм, — пишет В. Г. Иванов, — есть принцип коммунистической морали, и не просто

принцип, «один из принципов», но именно тот, который выражает ее противоположность буржуазной морали, основанной на принципе индивидуализма» [7, с. 40].

Другая позиция может быть представлена точкой зрения В. Вичева: «Коллективизм является не только нормативным принципом социалистической и коммунистической нравственности, но и объективным содержанием общественных отношений, сущностной чертой социалистического образа жизни. Понятие «коллективизм» характеризует принципиально новый тип практической деятельности людей, которая впервые стала исторической реальностью в условиях социализма» [4, с. 251].

В первом случае коллективизм рассматривается как принцип морали, во втором — как всеобъемлющий принцип, охватывающий сферу общественного сознания и бытия.

Близким к понятию «коллективность» является понятие «коллектив». Их соотношение также трактуется неоднозначно. Представляется, что наиболее приемлемое толкование основного различия между категориями «коллективность» и «коллектив» дает Г. М. Гак, который, в частности, отмечает, что коллективы «бывают различного рода и могут характеризоваться типологическими различиями». Действительно, виды коллективов многообразны, но то, что делает группу людей коллективом, есть ее внутреннее качество — коллективность, которая в разных коллективах может находиться на различных уровнях развития и реализации. Коллектив представляет собой социальную общность, выступающую субъектом, носителем коллективности. В свою очередь, последняя является основанием коллектива. Коллективность не может складываться в отрыве от живой деятельности реальных коллективов. Определяя коллектив как ячейку социалистического общества, его элементарную клеточку, необходимо учитывать один из важнейших принципов системного подхода. Внутреннее качество любой системы раскрывается не только в процессе анализа ее элементов, но и через анализ их взаимосвязей. Природа таких связей, взятая в своей целостности, не сводима к сумме свойств, которыми обладают элементы.

Таким образом, коллективность как внутреннее качество социалистической системы раскрывается как через содержательный анализ самих трудовых коллективов, так и посредством анализа тех общественных связей, которые коллективы осуществляют в процессе своей деятельности. При рассмотрении конкретных аспектов внутренней жизни трудовых коллективов необходимо иметь в виду их зависимость от общего процесса реализации отношений общественной собственности и достижения высших целей коммунистического строительства.

Активизация человеческого фактора связана с повышением роли трудовых коллективов, в которых реализуются коллективные формы деятельности, утверждаются коллективистское сознание и поведение людей. Развитие трудовых коллективов, усиление их роли в жизни общества, углубление демократии и самоуправления

трудящихся неразрывно связаны с внедрением хозрасчета и новых, коллективных форм организации труда. Жизнь показала, что это эффективный путь ведения хозяйства [2].

Коллективистские отношения в нашей стране зародились в процессе жесткого сопротивления с частнособственническим миром и определенное время поддерживались преимущественно политическими и идеологическими средствами. Однако не обеспеченные экономически, отношения коллективности не могли стабильно функционировать на одном лишь морально-психологическом заряде. Они вступили в противоречие с обособленными личными интересами людей, активно функционирующими в индивидуальных формах организации труда, с ее ориентацией на личный интерес частного работника. Соответствуя определенному этапу развития производительных сил социалистического общества, индивидуальная организация труда сыграла важную роль в деле подъема и укрепления экономики. Периоду ее успешного функционирования соответствовали отношения формальной коллективности, когда последние выступали преимущественно в роли необходимых условий деятельности частного работника. В связи с этим возникла неоднозначная ситуация: с одной стороны, личность вступает в отношения политической гражданской коллективности, поддерживаемой политическими и идеологическими мерами, с другой — условия формальной коллективности и личного интереса в рамках индивидуальной организации труда культивируют в ней индивидуализм. Подобного рода ситуация рождает демагогию и лицемерие.

Переход к бригадным формам организации труда в момент, когда индивидуальная форма его организации в целом себя исчерпала, означает новый этап в развитии отношений коллективности. Он характеризуется сменой коллективности как необходимого условия индивидуальной деятельности частного работника коллективностью в качестве необходимого способа этой деятельности и средства удовлетворения личной потребности ассоциированного работника. Однако реальная коллективность не может быть достигнута в результате лишь активных пропагандистских мер. Объективной основой, обуславливающей качественный скачок в ее развитии, является смещение приоритетов в развитии производства с индивидуальных производительных сил на совокупную производительную силу. В основе указанного смещения лежит процесс технологической революции и обобществления производства. Коллективные формы организации труда, придав смену индивидуальной, усиливают интерес к высокому заработку, становятся *средством* его достижения. Но ограничиваться такой формальной их ролью способа-средства неверно, ибо последующее их развитие неизбежно ведет к отношениям подлинной коллективности.

Создание бригадной организации труда — закономерный результат развития социалистической экономики, совершенствования организации и системы стимулирования труда, усиления по-

требности в дальнейшем повышении активности трудящихся. Перестройка хозяйственного механизма на хозрасчетных началах обуславливает повышение экономической и социальной ответственности трудового коллектива за конечные результаты работы. Наиболее плодотворной формой, реализующей такую ответственность, как показывает практика, стал бригадный подряд, позволяющий соединить преимущества общественной собственности с личным интересом человека, его хозяйским отношением к делу, гражданским самоутверждением [1].

Общество заинтересовано в получении готового продукта с наименьшими затратами овеществленного и живого труда. Коллективная заинтересованность в достижении общественно значимых результатов и обуславливает высокую социально-экономическую эффективность бригадной формы организации труда. Вместе с тем особую значимость приобретает вопрос о расширении участия трудящихся в управлении производством как владельцев социалистической собственности.

Бригадная форма организации труда — это цельная система управления трудом и социальной активностью работников на производстве. Как и любая система, она имеет свои принципы организации и закономерности функционирования. Знание и умелое использование закономерностей функционирования бригадной формы организации труда обеспечивают реализацию заложенных в ней возможностей. И, наоборот, игнорирование таких закономерностей — зачастую одна из причин снижения эффективности работы бригады.

Анализируя действенность бригадной формы организации труда, следует выделить экономическую и социальную эффективность. Экономическая эффективность включает в себя качество труда и его результаты, эффективность труда, т. е. максимальный эффект при минимальных затратах; социальная — это развитие творческой активности трудящихся, которая важна не только как средство повышения производительности труда, но и как определенное качество жизнедеятельности, формирующее развитых индивидов, максимизация их творческих усилий. Критерии социальной эффективности разработаны еще недостаточно. Интегральный критерий социальной эффективности бригадной организации труда, социальной зрелости бригады — высокий уровень развития коллективности как внутреннего качества бригады.

Развитие коллективности, являясь основой уровня зрелости бригады, характеризует как экономическую, так и социальную эффективность. Единство экономической и социальной эффективности — гарантия успешного функционирования бригады. Что же представляет собой соотношение коллективности и бригадных (коллективных) форм организации труда? Если коллективность — внутреннее качество общественной системы, которое в той или иной степени может быть реализовано трудовым коллективом, то бригадные формы организации труда — это средство, система средств

реализации данного качества внутри основной производственной ячейки социалистического общества.

Наиболее общим способом повышения уровня коллективности в бригаде является расширение прав трудящихся в управлении производством. Данный уровень будет повышаться при условии, если каждый член бригады будет уверен в своей способности реально влиять на решение всех вопросов жизни коллектива. Повышению уровня коллективности способствуют анализ и открытое обсуждение результатов деятельности коллектива, вклада каждого работника в общее дело. Существует прямая зависимость между доверием к коллективу бригады со стороны администрации и коллективной ответственностью членов бригады за результаты труда.

Важное значение в деле углубления коллективности имеют наделение бригады статусом самоуправляющейся единицы, эффективная деятельность органов самоуправления и, следовательно, четкая регламентация взаимоотношений указанных органов с администрацией (наличие договора о взаимной ответственности бригады и администрации, наличие органов арбитража для разбора претензий, предъявляемых бригадой к другим подразделениям, и классификатора претензий, документальное установление сроков рассмотрения претензий, перечень санкций, применяемых по отношению к виновным в неудовлетворительной организации труда бригады, и т. д.). Методы укрепления коллективности в бригаде — эффективное применение КТУ.

Для определения и внедрения методики расчетов КТУ на предприятиях создаются комиссии по внедрению бригадных форм, в компетенцию которых входят анализ и контроль распределительного механизма в бригадах. Распределение общего размера заработка происходит с использованием различных методов. В числе наиболее распространенных следует отметить два: распределение пропорционально разряду и фактически отработанному времени; аналогичный вид распределения, но с учетом КТУ, а также с применением условных разрядов. Опыт показывает эффективность использования метода с учетом КТУ, где размер заработной платы наиболее точно соответствует объему затраченного труда. На большинстве предприятий КТУ учитывается ежедневно, но шкала его определения многообразна. Его устанавливают в зависимости от размера индивидуальной зарплаты, т. е. в данном случае оплата каждого члена бригады не зависит от конечных результатов. Нередко бригадир самостоятельно определяет КТУ «на глаз». Правильно ли это? Безусловно нет, ибо КТУ — коллективная оценка не только трудового вклада, но и нравственных принципов самой бригады.

На наш взгляд, КТУ следует рассматривать как переходную ступень в развитии распределительных отношений в рамках коллективных форм организации труда. Новый тип кооперации (функциональная подвижность, взаимозаменяемость) подчас восстает против тщетных попыток его редукции к зафиксированному

в результатах индивидуальному труду, ибо такая кооперация принципиально нерасчленима и на данной основе порождает тенденцию к выравниванию зарплаты при условии ее стабильного роста. Она — закономерный результат неуклонно повышающегося уровня обобществления труда, интеграции трудовых функций в процессе производства.

Практика внедрения и функционирования бригадных форм организации труда не лишена серьезных недостатков и трудностей. В качестве одной из причин следует назвать игнорирование многими предприятиями основных закономерностей внедрения и развития бригад нового типа, стремление втиснуть их в систему старых экономических отношений с их уравниловкой, неполным хозяйственным расчетом, административно-командными методами управления. В результате подряд носит фиктивный характер, бездействуют органы бригадного самоуправления. В ходе исследования, проводимого ИСИ АН СССР, выяснилось, что лишь 47 % опрошенных рабочих считают, что советы бригад полноправно управляют делами коллектива [10, с. 25]. В ряде случаев работа бригады пущена на самотек, и тогда расцветает рвачество, круговая порука, сокрытие прогулов, изгнание из бригады «слабаков» и т. д.

Трудности и противоречия бригадных форм организации труда, которые, как правило, являются следствием недоработки на местах, т. е. носят субъективный характер, ни в коей мере не умаляют их социально-экономической значимости и роли в процессе формирования реальной коллективности.

Список литературы: 1. *Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС*, 28 июня—1 июля 1988 г. М., 1988. 2. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС*, 29 июля 1988 г. М., 1988. 3. *Буева Л. И.* Социалистический коллектив как разновидность социальной группы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1967. № 5; *Уледов А. К.* Об определении социалистических коллективов и исследовании их жизни // *Филос. науки*. 1968. № 5; *Лапин Н. И.* Человек в трудовом коллективе // *Социология и идеология*. М., 1969; *Иванов В. И., Фриш А. С.* Основная ячейка общества. М., 1967. 4. *Вичев В.* Коллективизм как сознание и поведение личности // *Идеологический процесс и воспитание личности*. М., 1980. 5. *Гак Г. М.* Дialeктика коллективности и индивидуальности. М., 1967. 6. *Грималюк В. А.* Общественное разделение труда и основное производственное отношение социализма. М., 1970; *Кузьминов И. И.* Очерки политэкономии социализма. Вопросы методологии. М., 1971; *Разжигаев А. Ф.* Экономические проблемы становления труда как потребности. М., 1977. 7. *Иванов В. Г.* Коллектив и личность. Л., 1971. 8. *Кронрод Я. Л.* Законы политэкономии социализма. М., 1966; *Артюхин Е. Е.* Категория научного коммунизма «социальные отношения» // *Законы и категории научного коммунизма*. М., 1972. 9. *Петровский А. Б.* Личность, деятельность, коллектив. М., 1982; *Социальная психология*. Крат. очерк / Под ред. Г. Н. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975. 10. *Прохоров А. А.* О некоторых социальных резервах бригадной формы организации труда // *ЭКО*. 1988. № 4. 11. *Ратников В. П.* Коллектив как социальная общность. М., 1978.

Поступила в редколлегию 27.07.88

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ДУХОВНОГО БОГАТСТВА В УСЛОВИЯХ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Необходимость ясного и четкого понимания глубины и масштабности задач этапа обновления социализма, углубления процесса демократизации общества, развертывания социалистического самоуправления народа, гуманизации всех сторон жизнедеятельности придает особое значение процессу формирования качественно нового уровня духовности советских людей, основанной на возросшей политической культуре, синтезе социалистических, демократических и общечеловеческих ценностей, осознании диалектики преемственности и новаторства в отношении к духовному наследию прошлого (проблема исторической памяти).

Социализм создает и развивает качественно новую систему духовного производства и потребления. Во-первых, человек, все-сторонне развитая личность, становится высшей целью общественного производства, а следовательно, и высшей целью духовного производства. Во-вторых, изменение сущности общественного производства обуславливает становление и развитие в качестве главной и единственной формы общественного богатства — человека. В-третьих, социализм призван обеспечить практически равный доступ всем членам общества как к производству, так и потреблению накопленного духовного богатства, что расширяет возможности освоения его предметных форм всеми членами общества. В-четвертых, накопление духовного богатства характеризуется количественным и качественным ростом, что обусловлено расширением материально-технической базы духовного производства и потребления, возрастанием роли марксизма-ленинизма, а также переходом от экстенсивных к интенсивным формам производства духовного богатства.

Вместе с тем процесс производства и потребления духовного богатства в современных условиях протекает не без проблем.

Застойные явления, связанные с недооценкой человеческого фактора, технократическим подходом к социальной сфере, который снижал заинтересованность трудящихся в результатах труда, а также недостаточное развитие демократии, инициативы, самостоятельности образовали механизм торможения не только социально-экономического, но и духовного развития общества. Расхождение между словом и делом зачастую вело к размыванию ориентиров следования социалистическим идеалам. Это, в частности, проявилось в выпуске серых, посредственных произведений, где нередко художественность подменялась мнимой актуальностью; в изыятии из процесса духовного накопления целого ряда продуктов духовного производства, увидевших свет лишь в настоящее время; в наличии «белых пятен» в исторической науке; в схола-

стическом теоретизировании и оторванности общественных наук от практики. В совокупности с недостаточным и неравномерным развитием материальной базы духовного производства и потребления в различных регионах страны все это способствовало появлению и распространению в нашем обществе многих негативных явлений.

Идеология и психология застоя отразились и на состоянии сферы культуры, литературы и искусства. Это привело к тому, что наряду с произведениями, в которых поднимались серьезные социально-нравственные проблемы и отражались реальные жизненные коллизии, выходило немало посредственных, безликих творений, ничего не дававших ни уму, ни чувствам. Усилилось проникновение в советское общество стереотипов из буржуазной массовой культуры, навязывающей пошлость, примитивные вкусы, бездуховность [2, с. 12].

Следует подчеркнуть, что пробелы в литературе, как и «белые пятна» в истории, свидетельствуют об определенных утратах при накоплении предметных форм как духовного богатства, так и собственно человеческого. Застойные процессы в литературе не могли не привести к падению читательского интереса, к определенным издержкам при формировании читательского вкуса.

Сложные, противоречивые тенденции наблюдаются и в развитии изобразительного искусства, в музыкальной жизни нашего общества. Период застоя оставил в наследство «и плачевное состояние концертной жизни, и тревожное положение в оперном театре, и провалы в деле музыкального воспитания, и многое другое» [8]. Как следствие, существенно снизился интерес к классической музыке, направленной на удовлетворение высоких духовных потребностей, восприятие которой способствует формированию эмоционального мира личности.

Потребление «серой» духовной продукции формирует соответствующий уровень личностного духовного накопления. В результате личность становится менее критичной к выбору произведений, к оценке их художественных достоинств, ее духовные потребности в данном случае не отличаются высокой эстетической избирательностью, а духовное потребление не сопровождается формированием духовно богатой личности. Если к тому же наличие низкокачественной духовной продукции «дополняется» дефицитом истинных духовных ценностей, то это вызывает противоречия между уровнем потребностей членов общества и возможностями их удовлетворения.

Здесь же следует сказать и об отношении к духовному наследию. Разрушение памятников прошлого приводит к невосполнимым утратам в духовном накоплении общества, к нарушению преемственности в развитии общечеловеческой культуры, к нравственным и эстетическим деформациям. Как верно отмечает Г. Н. Волков, «то что делает нас людьми, — это наша историческая память. Это приобщенность к духовному наследию прошлого. Осознание себя наследником и продолжателем дела бесчисленных

ушедших поколений, солидарность с ними, внутреннее единородноство» [5].

Уровень накопления духовного богатства трудящимися во многом зависит также от уровня развития материально-технической базы духовного производства и потребления. Еще имеются нерешенные проблемы, обусловленные неравномерным размещением учреждений духовного производства и потребления на территории страны. Как правило, лучшие театры, картинные галереи, музеи сконцентрированы в крупных городах и прежде всего в Москве и Ленинграде, в то время как в сельской местности духовное производство и потребление в целом представлены культурно-просветительскими учреждениями. В основном это клубы, культурно-воспитательная работа которых зачастую сводится только к просмотру кинофильмов. Из 137 тыс. клубных учреждений страны более половины сооружены 20—30 лет назад; почти каждый третий клуб не имеет комнат для кружковой работы, любительских объединений и самостоятельного творчества; 29 % сельских клубов находятся в непригодных помещениях, около 50 % из них нуждаются в реконструкции или капитальном ремонте. Более 500 районных центров не располагают сегодня районными домами культуры [7].

Исследование производства и потребления духовного богатства предполагает изучение духовных потребностей людей. В настоящее время анализ последних проводился в основном через количественные показатели (например, учет посещений кинотеатров и т. д.). Естественно, что сами по себе данные о количестве просмотров кинофильмов, средней величине времени, затрачиваемого на телевизионные просмотры, о социальном и профессиональном статусе посетителей филармоний и т. д. могут быть интересны, но из них не складывается полной и реальной картины, отражающей развитие процесса накопления духовного богатства, формирования духовных потребностей на этой основе. Так, например, кинокартины, которые собирают миллионы зрителей, в то же время могут быть очень низко оценены с точки зрения их качества, то же справедливо, на наш взгляд, и в отношении выступлений отдельных рок-групп, собирающих тысячи поклонников. В данном случае высокая посещаемость свидетельствует отнюдь не о позитивных явлениях в развитии духовного потребления, а скорее о низком эстетическом уровне духовных потребностей зрителей. Количественные показатели, отражающие духовную жизнь нашего общества, вполне благополучные, однако они не раскрывают в полной мере истинного положения дел в сфере духовной культуры. Так, далеко не совпадает число зрителей, присутствующих на спектаклях, с количеством проданных на них билетов. Дефицит книг сочетается с книжными залежами, пустые залы на концертах классической музыки — с толпами поклонников рока. Выполнение кассового плана филармониями за счет концертов рок-групп может создавать, на первый взгляд, вполне благоприятное представление о качестве их исполнения.

Необходимо исследовать и качественную сторону накопления духовного богатства: содержание потребляемых духовных ценностей, как они осваиваются и реализуются в деятельности индивидов. Иными словами, как они распредмечиваются. Если в процессе потребления духовного богатства индивид не самосовершенствуется, не стремится воплотить в свою деятельность те идеалы, которые были заложены в духовной ценности, то это означает, что не осуществлен до конца процесс распредмечивания, что и характерно именно для потребительства. Последнее бездуховно, ибо духовность, есть такое качество личности, которое проявляется как общественная направленность ее деятельности, сущностных сил, способностей и потребностей.

Особое значение приобретает проблема формирования разумных потребностей личности, тем более, что осознание личностью, насколько разумны ее потребности, связано с определенным уровнем накопления последней духовного богатства. Накопление индивидом духовного богатства является в то же время развитием способности к потреблению, ибо такая способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы [1, т. 46, ч. II, с. 221].

Таким образом, накопление духовного богатства как основы духовного развития личности — необходимое условие для объективного анализа всей совокупности имеющихся в обществе потребностей, соизмерения их с возможностями удовлетворения и реализации лишь тех, которые отвечают критерию разумности, т. е. удовлетворение которых обеспечивает оптимальное развитие способностей всех членов общества при данном уровне общественного производства.

Следует отметить, что процесс удовлетворения духовных потребностей не лишен противоречий. Так, существует противоречие между принципиальной доступностью к духовным богатствам всех членов общества и элементами неравенства их в потреблении, обусловленными недостаточно развитой материальной базой духовного производства и потребления, различиями в материальном богатстве трудящихся (заработной плате). Члены нашего общества, обладающие достаточно высоким уровнем накопленного духовного богатства для того, чтобы осознать, что реальный социализм еще не создал возможностей для удовлетворения ряда потребностей, регулируют тем самым структуру удовлетворяемых потребностей. Но существует определенная часть общества, которая, не осознавая (в силу невысокого уровня духовного развития) данные процессы, стремится удовлетворить свои потребности любыми способами и средствами. Разумеется, здесь не может идти и речи о духовности, подлинном накоплении духовных ценностей.

Это пример потребительского отношения к удовлетворению потребностей как материальных, так и духовных.

Анализ проблем развития духовной сферы нашего общества, равно как и те кардинальные задачи, решаемые в ходе перестройки всех сфер общественной жизни, актуализирующие роль человеческого фактора в данном процессе, со всей необходимостью убеждают в том, что сейчас мы должны смело, энергично наращивать и расширять культурный пласт перестройки, используя и развивая все духовное богатство, создание нашими предшественниками [4]. Перестройка открыла доступ к архивам. Вышли в свет ранее не публиковавшиеся романы, появились произведения, написанные в последние годы и обогатившие нашу жизнь новыми духовными ценностями; происходит переоценка творчества ряда писателей, реабилитация многих деятелей культуры, ученых и т. д.

К достижениям перестройки можно отнести нынешний взрыв духовной активности. Возрос интерес общественности к процессам, происходящим в науке, литературе и искусстве, к выступлениям прессы, радио, телевидения. Люди хотят больше знать о прошлом, настоящем и будущем страны. Острее и пристальнее стало внимание к общественным и государственным делам, к мировоззренческим и морально-этическим проблемам [3]. Позитивные изменения в процессе духовного накопления советского общества — залог успешной реализации задач перестройки.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февраля 1988 г. М., 1988. 5. Волков Г. Быть ли нам манкуртами?//Сов. культура. 1987. 4 июля. 6. Ильенко И. Прочитайте эту книгу//Літ. Україна. 1987. 14 верес. 7. Каким быть клубу?//Сов. культура. 1987. 14 июля. 8. С пленума правления Союза композиторов СССР//Там же. 20 окт.

Поступила в редколлегию 12.07.88